

ПОДАРОК | СУДЬБЫ

ЭМИЛИ ГЕНРИ

Отпуск
НА
ДВОИХ

18+

БОЛЬШЕ 111 000 000 ПРОСМОТРОВ В ТIK TOK
С ХЕШТЕГОМ #EMILYHENRY
ОКОЛО 70 000 ОТЗЫВОВ НА ПОРТАЛЕ GOODREADS

Подарок судьбы

Эмили Генри

Отпуск на двоих

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Генри Э.

Отпуск на двоих / Э. Генри — «Издательство АСТ»,
2021 — (Подарок судьбы)

ISBN 978-5-17-147064-7

Два лучших друга. Десять совместных поездок летом. Последний шанс влюбиться. Поппи и Алекс. У них нет ничего общего: она – эмоциональная и непредсказуемая, он – сдержанный и любящий все планировать. У нее страсть к путешествиям, он предпочитает оставаться дома с книгой. Но несмотря на непохожесть, каждое лето после окончания колледжа они проводили вместе. До той самой ссоры. Но неугомонная Поппи не собирается сдаваться и решает убедить своего бывшего лучшего друга снова съездить в отпуск вместе. Хватит ли ей недели, чтобы полностью изменить их жизнь?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-147064-7

© Генри Э., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава 1	13
Глава 2	20
Глава 3	25
Глава 4	27
Глава 5	31
Глава 6	40
Глава 7	43
Глава 8	49
Глава 9	53
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Эмили Генри

Отпуск на двоих

Emily Henry
People we meet on Vacation

© 2021 by Emily Henry
© Коложвари, М. Е., перевод 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Прошлую книгу я писала в основном для себя. Эта же – для вас.

Пролог

Пять летних сезонов тому назад

В отпуске можно стать кем угодно.

Знаете это чувство, когда надеваешь сногшибательное платье и словно начинаешь чувствовать себя другим человеком; или когда книга увлекает тебя настолько, что ты с головой уходишь в другую реальность? Отпуск – еще один способ стать немножко другой версией себя.

В повседневной жизни ты, может, и постесняешься кивать в такт льющейся из радио песне, но вот если дело будет происходить на летней веранде, в таинственной мерцании сумерек, а звучать будет завораживающая ритмичная музыка... Ты и сама не заметишь, как мелодия закружит тебя в танце.

Когда ты в отпуске, то даже волосы становятся другими. Вода здесь совсем не такая, как дома, а может, дело в гостиничном шампуне. А может, ты и вовсе голову не моешь, а расческу давно забросила на дно чемодана, потому что морская вода превращает твои волосы в очаровательные кудряшки. И ты думаешь: может, мне и дома стоит делать так же. Может, я вернусь совсем другим человеком: человеком, который не расчесывает волосы и совсем не переживает из-за пятен пота и песка, набившегося во все возможные складочки тела.

Когда ты в отпуске, то смело вступаешь в беседы с незнакомцами и ничуть не беспокоишься о том, какое впечатление произведешь. Ну и что, если ты поставишь себя в глупое положение? Ты всех этих людей видишь в первый и последний раз!

Так что этим вечером можно быть кем угодно – ведь у тебя отпуск. Можно делать все, что только захочется.

Ну ладно. Не совсем все. Иногда плохая погода вносит свои коррективы, и сейчас я оказалась именно в такой ситуации: отчаянно пытаюсь найти способ развлечься, пока за окном льет дождь.

На выходе из туалета мне пришлось остановиться. Частично из-за того, что я все еще раздумывала, чем бы мне заняться, но по большей части из-за... полов. Здесь они были настолько липкими, что одна из моих сандалий приклеилась и соскочила с ноги, так что мне пришлось неловко прыгать обратно. Место здесь, конечно, просто чудесное, но я пребывала в уверенности, что если коснусь голой ногой грязного ламината, то имею все шансы подхватить какую-нибудь невероятно опасную болезнь – вроде тех, которые хранят на секретной научной базе Центра по контролю заболеваний.

В общем, я пропрыгала к своей оранжевой сандалиии, сунула внутрь ногу и развернулась, оглядывая бар. Картина открывалась следующая: несколько посетителей, липких и мокрых от пота; под потолком лениво вращаются вентиляторы, совершенно не спасающие от жары; и только иногда ветер забрасывает в приоткрытую дверь пригоршню холодной дождевой воды, немного остужая разгоряченные тела. В углу стоит музыкальный автомат, весело мигающий яркими неоновыми огнями, и исполняется на нем песня группы Фламинго «Смотрю я только на тебя».

Это курортный город, но сейчас я была в местном баре, куда обычно не заходили туристы. Были в этом плюсы – например, полное отсутствие девиц в цветастых сарафанах и парней в гавайских рубашках, но имелись и минусы – такие, как острая нехватка коктейлей, украшенных шпажкой с тропическими фруктами.

Если бы не шторм, мой последний вечер в городе был бы куда интереснее. К сожалению, в реальности всю неделю лил дождь и сверкали молнии, полностью уничтожив мои мечты о белоснежном пляжном песочке, море и поездках на катере. Все, что мне оставалось делать, –

это вместе с другими разочарованными туристами набиваться в непомерно дорогие заведения, куда никогда бы не пошли местные, и пить одну пинаколаду за другой.

Этим вечером я решила, что всему есть свой предел. Больше никакой толпы, никакого стояния в бесконечной очереди и никаких седеющих стариков, пьяно подмигивающих мне, пока их жена смотрит в другую сторону.

Потому теперь я стояла на грязном липком полу бара – назывался он, кстати, просто «БАР», ничего лишнего, – и осматривала посетителей, выискивая цель.

Цель обнаружилась в углу бара. Молодой человек примерно моего возраста: то есть около двадцати пяти, – с волосами песочного цвета, широкоплечий и высокий. То, что мне удалось подметить два последних факта, было удивительно, потому что он ужасно сутулился. Склонив голову к телефону, он пристально всматривался в экран, беспокойно прикусив нижнюю губу. Его палец медленно скользил по экрану, перелистывая страницу за страницей.

Людей здесь, конечно, было куда как меньше, чем в каком-нибудь Диснейленде, но вот уровень шума был соответствующий. С одной стороны, музыкальный автомат хрипло выводил мелодии пятидесятых годов, с другой стороны ему вторил телевизор, где ведущий прогноза погоды громко объявлял о рекордном уровне осадков. Громко хохотала компания мужчин – причем смеялись они в унисон и абсолютно одинаковыми голосами. Бармен то и дело хлопал ладонью по барной стойке, что-то оживленно рассказывая девушке с высветленными до желтизны волосами.

Затяжной шторм свел весь остров с ума, а обилие дешевого пива из любого сделает человека шумного и несдержанного.

Так что молодой человек с волосами песочного цвета решительно выделялся из толпы своим спокойствием. Впрочем, не только им: он вообще выглядел так, будто оказался здесь абсолютно случайно. Несмотря на то, что температура близилась к тридцати градусам тепла, а влажность была стопроцентная, одет он был в застегнутую на все пуговицы рубашку и синие брюки. Коже его подозрительно не хватало загара, а ему самому – хоть каких-либо признаков улыбки, или веселья, или легкомыслия, в общем, вы поняли.

Вот оно.

Я откинула с лица прядь кудрявых волос и решительно направилась прямо к нему. Он даже взгляда не поднял: все так же сидел и сосредоточенно смотрел в экран, медленно перелистывая страницы. Я успела заметить выделенный жирным заголовок: «**ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ**».

Итак, он читает книгу. В баре.

Я уперлась бедром в стойку бара и облокотилась на нее.

– Ну привет, морячок.

Молодой человек медленно поднял взгляд ореховых глаз от экрана телефона и, недоуменно моргнув, уставился на меня.

– Привет?

– Часто здесь бываешь?

Он с минуту молча меня изучал, явно мучаясь с выбором подходящего случаю ответа.

– Нет, – наконец сказал он. – Я здесь не живу.

– О, – начала было я, но не успела и слова сказать, как он тут же меня перебил:

– А если бы и жил, то у меня в любом случае больная кошка, за которой требуется тщательный уход. Так что выбраться куда-то не так уж и просто.

Все вышесказанное поставило меня в тупик, но оправилась я быстро.

– Ох, мне так жаль. Это, наверное, так тяжело – когда у тебя больное животное, да еще и смерть близкого...

Он нахмурил брови.

– Смерть?

Я взмахнула рукой, указывая на его необычный для здешних мест наряд.

– Разве ты не на похороны приехал?

Губы его сжались в тонкую линию.

– Нет.

– А что тогда привело тебя в город?

– Дружеская поездка. – Молодой человек снова уткнулся взглядом в телефон.

– Ты в гости приехал? – предположила я.

– Меня сюда притащили, – поправил он. – В отпуск.

Последнее слово он произнес с нескрываемым презрением.

Я закатила глаза:

– Да ты что? И тебя оторвали от любимой кошки? Без всякого веского повода – просто чтобы радоваться жизни и веселиться?! Ты вообще уверен, что этот человек – твой друг?

– С каждой секундой уверен в этом все меньше, – ответил он, даже не удостоив меня взглядом.

Работать с таким кадром непросто, но я сдаваться не собиралась.

– Итак, – напирала я. – И что собой представляет этот друг? Он умный? Сексуальный? Обеспеченный?

– Низенький, – ответил молодой человек, не отвлекаясь от чтения. – Громкий. Заткнуть его просто невозможно. Вечно ставит пятна на одежду – причем и на свою, и на мою. У него ужасный вкус, и он плачет, когда на экране крутят рекламу общественного колледжа – знаешь, типа той, где мать-одиночка допоздна сидит за компьютером, а потом засыпает прямо на клавиатуре, и ее сын накидывает ей на плечи плед и улыбается, потому что ужасно ею гордится? Так, что же еще... Ах да. Моя *подруга* просто без ума от дерьмовых баров, пропахших сальмонеллой. Да я тут даже бутылочное пиво боюсь пить – ты вообще видела, какие в интернете отзывы об этом месте?

– Ты что, издеваешься? – спросила я, скрестив руки на груди.

– Ну, – ответил он, – ты права, сальмонелла ничем не пахнет. Но да, Поппи, ты действительно низкая.

– Алекс! – Я стукнула его по плечу, выходя из образа. – Я тебе вообще-то помочь пытаюсь!

Он потер руку.

– И как же ты пытаешься мне помочь?

– Слушай, я понимаю, что Сара разбила тебе сердце, но пора уже с этим кончать. Когда к тебе подходит горячая девчонка, последнее, о чем ты должен рассказывать, – это о своих созависимых отношениях с этой сволочной кошкой!

– Во-первых, Фланнери О'Коннор не сволочная, – поправил Алекс. – Она застенчивая.

– Она – чистое зло.

– Ты ей просто не нравишься, – настаивал он. – Потому что ты выглядишь как типичная собачница.

– Я просто пыталась ее погладить! Зачем тебе вообще кошка, которая не любит, чтобы ее гладили?

– Ей нравятся, когда ее гладят, – ответил Алекс. – Но каждый раз, когда ты ее видишь, глаза у тебя загораются, словно у голодного волка...

– Вовсе нет.

– Поппи, – сказал он. – Когда ты видишь *что угодно*, глаза у тебя загораются, как у голодного волка.

Как раз в это время бармен наконец-то принес коктейль, который я заказала перед тем как удалиться в туалет.

– Мисс? – окликнул он меня. – Ваша «Маргарита».

Запотевший бокал скользнул вдоль по барной стойке, и мое пересохшее горло сжалось от предвкушения. Я тут же подхватила бокал, да так быстро, что изрядное количество текилы выплеснулось через край. Алекс дернул меня за вторую руку сверхъестественно быстрым, тщательно отработанным движением – и только это спасло меня от того, чтобы облиться коктейлем.

– Видишь? Прямо как голодный волк, – сказал Алекс тихим серьезным голосом. Он всегда говорит именно так – за исключением тех чрезвычайно редких, прямо-таки священных ночей, когда наружу прорывается Чудак Алекс и мне выпадает честь наблюдать, как он валяется на полу в караоке, фальшиво всхлипывая в микрофон, песочного цвета волосы торчат в разные стороны, а помятая рубашка давно выбилась из брюк. Просто гипотетическая ситуация. В точности произошедшая некоторое время назад.

Алекс Нильсен – воплощенная сдержанность. В этом высоком, широкоплечем, вечно ссутуленном мужчине воедино сплетается благородный стоицизм (естественное последствие, когда твой овдовевший отец – самый нервный человек на свете, а ты вдобавок еще и старший ребенок в семье) и богатый опыт смирения (не менее естественное последствие строгого религиозного воспитания, с детства вступавшего в противоречие с самой глубокой страстью Алекса, а именно – с наукой). А еще он самый чудаковатый, бестолковый и мягкосердечный дурень, которого я только встречала.

Я отпила глоток «Маргариты» и замычала от удовольствия.

– Вылитая собака в человеческом обличье, – пробормотал Алекс себе под нос, возвращаясь к своей книге. Я неодобрительно фыркнула и сделала еще один глоток.

– Кстати говоря, здешняя «Маргарита» процентов на девяносто состоит из чистой текилы. Так что посоветуй этим своим неутомимым комментаторам в интернете засунуть претензии куда подальше. Да и сальмонеллой тут совсем не пахнет.

Я еще раз приложилась к бокалу и села на стул боком, повернувшись лицом к Алексу. Наши колени соприкоснулись. Мне нравится, как он всегда садится, когда мы идем куда-нибудь вместе – лицо его обращено к барной стойке, но длинные ноги вытянуты в мою сторону. Словно он приоткрывает какую-то секретную дверь своей души, и путь к ней известен только мне. И дверь эта, конечно, ведет не к сдержанному, серьезному, никогда не улыбающемуся Алексу, а к Алексу-Чудаку. Тому Алексу, который год за годом ездит со мной в отпуск, хотя он ненавидит самолеты, презирает перемены и не выносит спать на любой подушке, кроме своей домашней.

И мне нравится, что каждый раз, когда мы идем в бар, Алекс всегда садится за барную стойку, потому что он знает, что я люблю сидеть именно здесь. А ведь он как-то раз признался, что ужасно нервничает, потому что ему постоянно кажется, будто он смотрит на барменов то слишком долго, то, наоборот, излишне избегает встречаться взглядами.

Честно говоря, мне нравится (а иногда и вызывает обожание) почти все в моем лучшем друге Алексее Нильсене. Я хочу, чтобы он был счастлив, и хоть мне никогда не нравились его девушки – и особенно меня раздражала его последняя бывшая, Сара, – я знаю, что теперь на мне лежит ответственность. Нельзя позволить Алексу превратиться в затворника только потому, что ему разбили сердце. В конце концов, для меня бы он сделал – и уже сделал! – ровным счетом то же самое.

– Ну что, – спросила я. – Начнем сначала? Я буду сексуальной незнакомкой в баре, а ты будешь обычным очаровательным собой. Но без кошки. Немного тренировок – и ты в два счета сможешь устроить себе свидание!

Алекс поднял взгляд от телефона, едва заметно ухмыляясь. Ну, по крайней мере, я называю это его выражение ухмылкой, потому что ничего лучше Алекс все равно изобразить не сможет.

– Ты имела в виду, будешь незнакомкой, которая начинает беседу с крайне уместной фразы «Ну привет, морячок»? По-моему, у нас разные представления о сексуальном.

Я крутанулась на стуле, и наши колени стукнулись. Затем я повернулась обратно, сложив губы в кокетливую улыбку.

– Скажи, это было больно... – начала я, – падать с небес?

Алекс покачал головой.

– Поппи, мне очень важно, чтобы ты поняла одну вещь, – медленно сказал он. – Если я когда-нибудь и пойду на свидание, то твоя так называемая «помощь» не понадобится.

Я вскочила на ноги, драматично выплеснула остатки «Маргариты» себе за плечо и со звоном грохнула бокал о барную стойку.

– Тогда как насчет того, чтобы свалить отсюда?

– Как ты вообще умудряешься ходить на свидания? – Алекс озадаченно покачал головой.

– Очень просто, – ответила я. – У меня низкие стандарты. И нет никакой Фланнери О'Коннор, которая могла бы мне помешать. И когда я выбираюсь в бар, я не провожу все время, читая отзывы в интернете. И не излучаю мощное поле «НЕ РАЗГОВАРИВАЙТЕ СО МНОЙ», которое можно заметить невооруженным взглядом. К тому же я довольно-таки роскошно смотрюсь под определенным углом. Мне так говорили.

Алекс встал, положил на барную стойку двадцатку и убрал бумажник обратно в карман. Он всегда носит с собой наличку, понятия не имею почему. Я спрашивала об этом минимум три раза. Каждый раз Алекс отвечал, но я все еще не знаю, в чем там было дело. Полагаю, его ответ был слишком скучным и/или заумным, так что мой мозг отключался в попытках его осознать, не то что сохранить в памяти.

– Но факт остается фактом: ты совершенно невменяемая.

– Но ты меня все равно любишь, – заметила я, готовясь встать в оборонительную позицию.

Алекс приобнял меня за плечи и внимательно посмотрел мне в лицо. Его губы тронула едва заметная, сдержанная улыбка. Способность его лица отображать эмоции была вообще крайне ограничена.

– Я знаю, – сказал он, и я весело ухмыльнулась.

– Я тоже тебя люблю.

С заметным усилием Алекс сдерживал улыбку, и теперь она медленно угасала на его лице.

– И это я тоже знаю.

От текилы меня потянуло в сон, и я облокотилась на Алекса, позволив ему довести меня до входной двери.

– Хорошая была поездка, – сказала я.

– Лучшая, – согласился он. По нашим плечам забарабанил холодный дождь, и Алекс обнял меня чуть крепче, согревая и защищая от разбушевавшейся непогоды. От него успокаивающе пахло маслом кедрового дерева, и этот запах окутал меня словно плащ.

– Я в общем-то ничего не имею против дождя, – заметила я, когда мы ступили в густую влажную ночь, наполненную жужжанием комаров и отдаленными раскатами грома, от которых вздрагивали пальмы.

– Мне нравится дождь, – сказал Алекс, убрав руку с моих плеч и прикрыв мою голову от дождя. Так мы и побежали к взятой напрокат машине – я и человек-зонт Алекс. Как только мы добрались до места, Алекс свернул в сторону, чтобы открыть мне дверь – мы решили сэкономить, так что в машине не было автоматических замков и окон – и только затем открыл водительскую дверь и прыгнул за руль.

Мотор завелся, и кондиционер с шипением обдал нашу мокрую одежду потоком ледяного воздуха. Алекс вырулил с парковки и взял курс к домику, который мы арендовали на отпуск.

– Знаешь, я только что понял, – сказал он, – мы забыли сфотографировать бар для твоего блога.

Я начала смеяться, но очень быстро поняла, что он не шутит.

– Алекс, никто не хочет смотреть на фотографии бара. Да никто даже читать про бар не хочет.

Он пожал плечами.

– По-моему, бар был не так уж и плох.

– Ты сказал, что он пахнет сальмонеллой.

– Ну, кроме этого, – Алекс включил поворотник и свернул на узкую улочку, обсаженную пальмами.

– В общем-то я за эту неделю вообще никаких приличных фотографий не смогла снять.

Алекс нахмурился и потер бровь. Машина уже медленно сворачивала на подъездную дорожку.

– Ну, кроме тех, что ты снял, – быстро добавила я. Вообще-то фотографии, которые Алекс вызвался сделать для моего блога, были воистину ужасны. Но я была так очарована тем, что он вообще захотел это сделать, что уже успела выбрать наименее кошмарный кадр и запостить его в Сеть. На этой фотографии меня сняли прямо посередине фразы, так что я корчу ужасную рожу, пока со смехом кричу что-то Алексу, а он в это время пытается весьма безуспешно мне на что-то показать. За моей спиной собираются штормовые тучи, и в целом вид у меня такой, словно я пытаюсь призвать апокалипсис на остров Санибел. Что ж, по крайней мере, по фотографии видно, что я получаю удовольствие от поездки.

Я не запомнила, что такого сказал мне Алекс и почему это вызвало на моем лице бурю эмоций, и понятия не имею, что я ему кричала в ответ. Но когда я смотрю на эту фотографию, то испытываю то же теплое чувство, с которым вспоминаю наши прошлые летние поездки.

Это мощный прилив счастья, чувство, что это-то и есть настоящая жизнь – просто приехать в какое-нибудь красивое неизведанное место с кем-то, кого ты любишь.

Я пыталась написать об этом в блоге, в комментариях к фотографии, но у меня так и не получилось ничего сформулировать.

Обычно я пишу о том, как можно недорого путешествовать и при этом получить все возможное удовольствие, и дело вот в чем: когда сотни тысяч людей внимательно следят за твоими поездками на побережье, они ожидают увидеть... ну, побережье.

За эту же неделю мы пробыли на пляже острова Санибел в общей сложности сорок минут. Все остальное время мы ошивались в барах и ресторанах, в книжных магазинчиках и антикварных лавках. Еще больше времени мы провели в потрепанном бунгало, где ели попкорн и считали сверкнувшие на небосводе молнии. Мы не смогли загореть, не увидели ни одной тропической рыбы, не поплавали на катамаране, наслаждаясь солнечными лучами, – словом, мы не делали вообще ничего. Разве что устроили киномарафон «Сумеречной зоны», растянувшись на мягкой софе, да и то постоянно проваливались в сон.

Бывают места, в которых не важно, есть солнце или нет. Удовольствие ты все равно получишь. Просто остров Санибел таким местом не был.

– Эй, – окликнул меня Алекс, паркуя машину.

– Что «эй»?

– А давай сфотографируемся вместе, – предложил он.

– Ты же ненавидишь фотографироваться, – удивился я. Что, кстати говоря, всегда меня поражало, потому что внешне Алекс невероятно привлекателен.

– Знаю, – ответил он. – Но сейчас темно. И я хочу запомнить эту поездку.

– Ладно, – сказала я. – Хорошо, давай сфотографируемся.

Я потянулась было за телефоном, но Алекс уже успел достать свой. Только зачем-то вместо того, чтобы повернуть телефон дисплеем к нам – знаете, чтобы можно было видеть, что ты вообще фотографируешь, – он развернул его так, что теперь на нас смотрел объектив обычной камеры.

– Ты чего делаешь? – спросила я и потянулась за его телефоном. – Дедуль, тут вообще-то селфи-режим есть!

– Нет! – Он засмеялся, поднимая руку так, чтобы я не могла дотянуться. – Это не для твоего блога, так что нам необязательно выглядеть идеально. Пусть мы будем похожи на самих себя, ладно? Если ты настаиваешь на селфи-режиме, я лучше вообще не буду фотографироваться.

– Тебе нужно обратиться за помощью, – заметила я. – У тебя явная дисморфофобия.

– Сколько тысяч фотографий я снял для тебя, Поппи? – спросил он. – Давай сделаем хотя бы одну так, как хочу я.

– Ладно, ладно. – Я склонила голову на его грудь, прижимаясь к влажной от дождя рубашке, и Алекс слегка пригнулся, чтобы компенсировать нашу разницу в росте.

– Раз... Два... – Вспышка сверкнула до того, как он успел сказать «три».

– Ты чудовище! – возопила я. Алекс перевернул телефон, чтобы взглянуть на фото, и застонал.

– О не-ет, – протянул он. – Я действительно чудовище.

Я разглядывала получившийся кадр, задыхаясь от смеха: размытое призрачное пятно наших лиц, всклокоченные волосы Алекса торчат вверх мокрыми шипами, а мои кудри прилипли к щекам, от жары мы красные и потные, не говоря уже о том, что у меня глаза были закрыты, а Алекс на фотографии прищурился и казался опухшим.

– Как это вообще получилось? Нас почти невозможно разглядеть, но при этом выглядим мы просто отвратительно! – воскликнула я.

Все еще смеясь, Алекс откинул голову на спинку кресла.

– Ладно, сейчас удалю.

– Нет! – Я принялась с боем вырывать телефон у него из рук. Алекс вцепился в него, не желая отпускать, но я не собиралась сдаваться, так что мы просто застыли над центральной консолью.

– В этом же и был весь смысл, Алекс. Запомнить поездку такой, какой она была на самом деле, выглядеть так, как мы выглядим в реальности.

Алекс улыбнулся своей обычной слабой улыбкой.

– Поппи, ты выглядишь совсем не так, как на этой фотографии.

– Да и ты тоже, – покачала головой я. Некоторое время мы молчали, словно обоим больше было абсолютно нечего добавить.

– В следующем году поедем куда-нибудь, где холодно, – наконец сказал Алекс. – И сухо.

– Договорились, – широко улыбнулась я. – Поедем куда-нибудь, где холодно.

Глава 1

Этим летом

– Поппи, – произнесла Свапна, сидящая во главе уныло серого стола для переговоров. – Что у тебя?

Свапна Бакши-Хайсмит – королева империи под названием «Отдых + Покой», и при всем при этом она человек, который являет собой полную противоположность двух основополагающих принципов нашего журнала.

В прошлый раз Свапна отдыхала, наверное, года три назад – тогда она была на восьмом с половиной месяце беременности, и врачи прописали ей строгий постельный режим. Но она не сдалась даже тогда: водрузила на живот ноутбук и целыми днями напролет общалась с офисом через видеочат. В общем, непохоже, чтобы тогда она особенно отдохнула. Свапна вся состоит из резких граней, заостренных углов и неординарного ума: с макушки, увенчанной зачесанным назад элегантным каре, до самых ног, обутых в украшенные крохотными шипами туфли от «Александра Вана».

Казалось, Свапна может разрезать пополам алюминиевую банку одним только взмахом ресниц, а после – стереть ее в пыль взглядом изумрудно-зеленых глаз. И в данный момент этот взгляд был полностью сосредоточен на мне.

– Поппи? Ты меня слышишь?

Я моргнула, выныривая из оцепенения, поерзала в кресле и прочистила горло. В последнее время со мной такое часто бывает. Учитывая, что от меня требуется приходиться в офис всего-то раз в неделю, было бы неплохо, если бы половину этого времени я не проводила в отключке, словно школьник на уроке алгебры. И особенно было бы замечательно, если бы я этого не делала прямо на глазах у своей начальницы – женщины столь же ужасающей, сколь и восхитительной.

Я внимательно изучила лежащий передо мной блокнот. На совещания в пятницу я обычно всегда приносила с собой кучу перечерканных заметок – о всяких необычных фестивалях в других странах, о местных ресторанчиках, где подавали жаренную во фритюре живность, о природных явлениях, которые можно понаблюдать на пляжах Южной Америки, о перспективных виноградниках в Новой Зеландии, о новых трендах, распространяющихся среди любителей экстремального отдыха, о салонах спа, практикующих способы особенно глубокого расслабления – и все такое прочее.

Заметки эти я обычно писала в своего рода панике. Словно все эти вещи, о которых я рассказывала и которые надеялась когда-нибудь пережить, были неким живым существом, прорастающим в моем теле и требующим, чтобы его выпустили на свободу. Обычно я проводила дня по три в каком-то трансе, листая картинке в «Гугле», рассматривая фотографии мест, в которых я никогда не была, и все это время меня терзало странное чувство, похожее на голод.

Сегодня, впрочем, я потратила ровно десять минут, за которые успела выписать на листочек названия стран.

Стран. Не городов даже.

Свапна молча смотрела на меня, ожидая, когда же я расскажу, о чем будет моя следующая большая статья. Я так же молча разглядывала слово «Бразилия».

Бразилия – пятая по величине страна в мире. Бразилия занимает 5,6 процента всей суши. Нельзя писать статью о том, как провести отпуск в просто Бразилии. Нужно хотя бы выбрать регион.

Я перелистнула страницу блокнота, притворяясь, что внимательно изучаю написанное. Страница была пуста. Когда сидящий рядом Гаррет наклонился ко мне, я решила, что он собирается заглянуть в блокнот, и решительно захлопнула обложку.

– Санкт-Петербург, – заявила я. Свапна подняла брови, вышагивая взад-вперед перед столом.

– Мы писали про Санкт-Петербург три года назад. Про белые ночи, помнишь?

– Амстердам? – предложил Гаррет.

– Амстердам следует посещать весной, – слегка раздраженно отрезала Свапна. – Если ты едешь в Амстердам, то обязательно захочешь посмотреть на тюльпаны.

Я как-то слышала, что Свапна побывала в семидесяти пяти странах – причем во многих из них дважды.

Она остановилась, задумчиво барабанила пальцами по задней крышке телефона, который держала в руках.

– Кроме того, Амстердам стал... слишком уж трендовым, – добавила она.

Свапна была глубоко убеждена, что если что-то стало трендовым, то, значит, из тренда оно уже вышло. Если бы она вдруг почувствовала, что народ проникся симпатией к польскому городу Торуню, то Торунь была бы немедленно вычеркнута из нашего списка на ближайшие десять лет. А список у нас действительно есть: листочек, висящий на стене в офисе, в котором указано, какие города журнал «О + П» совершенно не интересуют. Торуню там пока что нет. Каждая строчка написана самолично Свапной и содержит в себе только название города и дату его появления в списке. У нас даже есть что-то вроде подпольных ставок: какой город следующим вычеркнут из листа позора. Мы всегда приходим в тихий восторг, когда Свапна решительно входит в офис – дизайнерская сумка с ноутбуком в одной руке, ручка в другой – и направляется к списку, чтобы внести в него коррективы.

Все следят за ней, затаив дыхание, и молча гадают, какой же город в этот раз будет спасен из небытия. Как только Свапна удаляется назад в свой кабинет, а дверь за ее спиной закрывается, кто-нибудь бежит к списку, чтобы затем повернуться к остальным и тихо прошептать название. Празднуем мы обычно молча.

Прошлой весной из списка вычеркнули Париж, и ребята не смогли удержаться. Кто-то открыл бутылку шампанского, а Гаррет натянул на голову красный берет, который он, судя по всему, прятал в ящике стола как раз для такого случая. Он носил его весь день, и каждый раз, когда мы слышали щелчок двери Свапны или какую-то возню, стремительно сдергивал берет с головы. Гаррет был полностью уверен, что Свапна ничего не заметила и ему все сойдет с рук. Когда под конец рабочего дня Свапна остановилась у его стола и произнесла «*Au revoir*, Гаррет», стало очевидно, что он крупно заблуждался. Лицо у него стало таким же красным, как и берет, и хотя лично мне кажется, что Свапна просто пыталась пошутить, от потрясения Гаррет с тех пор так и не оправился.

И вот теперь она назвала Амстердам «слишком трендовым». Щеки Гаррета заалели, быстро перейдя от беретово-красного к свекольно-фиолетовому.

Кто-то предложил Косумель. Потом упомянули Лас-Вегас, и эту версию Свапна благоклонно обдумала.

– Вегас может быть интересным вариантом. – Она посмотрела прямо на меня. – Поппи, как ты думаешь, Вегас – это интересно?

– Определенно интересно, – согласилась я.

– Санторин, – произнес Гаррет писклявым голосом мультяшного мышонка.

– Санторин, конечно, чудесное место, – ответила Свапна, и Гаррет издал громкий вздох облегчения. – Но нам нужно что-то вдохновляющее.

Она снова перевела на меня пристальный взгляд. Оно и понятно – Свапна хочет, чтобы именно я написала к лету статью. Потому что, собственно, именно за этим я тут и нахожусь.

Я почувствовала спазм в желудке.

– Я подумаю над вариантами и подготовлю что-нибудь к собранию в понедельник, – пообещала я. Свапна кивнула, и Гаррет обмяк на своем стуле. Я знала, что он со своим молодым человеком мечтал о бесплатной поездке на Санторини. Да любой журналист мечтал бы. Вообще любой человек, наверное, мечтал бы об этом.

И мне бы стоило.

Не теряй надежды, хотелось сказать мне Гаррету. Если Свапна хочет чего-нибудь вдохновляющего, то я точно не ее вариант.

Потому что у меня никакого вдохновения не было уже очень долгое время.

– По-моему, тебе стоит продавить идею с Санторини, – сказала Рейчел, вертя в пальцах бокал с розовым шампанским. Ее рука свободно лежала на мозаичной столешнице кафешного столика.

Рейчел Крон – блоггер-стилист, обожает французских бульдогов, родилась и выросла в Верхнем Вест-Сайде (но, слава богу, она не из тех, кто знакомится фразой «О-о, это так мило, что вы из Огайо, а Огайо вообще настоящий штат? О нем кто-нибудь вообще слышал?»), по совместительству выступает моей лучшей подругой и справляется с этой должностью на профессиональном уровне.

Несмотря на то, что денег у Рейчел полным-полно, посуду она моет самостоятельно – ей этот процесс кажется очень успокаивающим. Еще Рейчел носит тубли на десятисантиметровой шпильке – она выросла с убеждением, что обувь на плоской подошве предназначена исключительно для верховой езды и работы в саду, причем только если тебе не удалось подобрать для этого занятия подходящую обувь на каблук.

Рейчел первая, с кем я подружилась, переехав в Нью-Йорк. Она так называемый «инфлюенсер» (то есть ей платят за то, чтобы, когда она фотографировалась перед своим чудесным мраморным туалетным столиком, в кадр попали строго определенные марки макияжа), и хотя раньше я никогда не дружила с представителями замечательного интернет-сообщества, оказалось, в этом есть свои преимущества (то есть никто из нас не чувствует смущения, когда ему приходится просить собеседника подождать, чтобы провести фотосессию лежащему на тарелке сэндвичу). Изначально я считала, что с Рейчел у меня крайне мало общего, но во время нашей третьей встречи (произошедшей, кстати, как раз здесь, в этом самом винном баре в Дамбо) она призналась, что во вторник снимает кучу фотографий на неделю вперед. Для этого ей приходится менять одежду и прическу в перерывах между забегом по разнообразным паркам и ресторанам, зато остаток недели у Рейчел свободен, так что она со спокойной душой пишет эссе и ведет аккаунт в соцсетях для парочки собачьих приютов.

Занялась она этой работой по следующим причинам: Рейчел фотогеничная женщина с фотогеничной жизнью, у которой есть две очень фотогеничные (хоть и постоянно нуждающиеся в медицинском уходе) собаки.

Я же занялась социальными сетями, потому что преследовала долгоиграющую цель: превратить путешествия в работу на полную ставку. Так что пути у нас, может, были и разные, но финальная точка одна. То есть, конечно, Рейчел живет в Верхнем Вест-Сайде, а я – в Нижнем Ист-Сайде, но, по крайней мере, мы обе зависим от рекламодателей.

Я сделала большой глоток игристого вина и покатила его во рту, обдумывая ее слова. На Санторини я никогда не была. Готова поспорить, где-то в шумном доме моих родителей, в коробке из-под посуды, полной никому не нужных памятных вещей, все еще лежит список, который я составила еще в колледже – листочек с местами, где я хочу побывать в будущем, и Санторини этот список возглавляет. Чистые белые улочки, ярко-голубое море, переливающееся на солнце, – в захламленном двухэтажном доме посреди штата Огайо это место казалось недостижимой мечтой.

– Я не могу, – наконец сказала я. – Иначе нас ждет случай спонтанного самовоспламенения. Потому что именно это и произойдет с Гарретом, если после того как он предложил Санторини, Свапна пошлет туда меня.

– Я тебя не понимаю, – сказала Рейчел. – Поп, неужели так трудно выбрать, куда ты хочешь поехать в отпуск? Тебе же не нужно экономить. Выбери место. Езжай туда. Потом выбери следующее место. Ничего сложного.

– Все не так просто.

– Конечно-конечно. – Рейчел взмахнула рукой. – Знаю, твоя начальница хочет «вдохновляющий» отпуск. Но я тебе говорю: стоит тебе только появиться в каком-нибудь красивом месте с кредиткой «О + П» в руках, как вдохновение придет само собой. Ты же журналист, специализирующийся на путешествиях, да еще и с поддержкой мегакорпорации за спиной. Ты буквально лучше всех подготовлена для того, чтобы сделать свою поездку незабываемой. Если уж у тебя не получится провести вдохновляющий отпуск, то у всех остальных не выйдет и подавно.

Я пожалала плечами и потянулась к сыру на разделочной доске, чтобы отломить кусочек.

– Может, в этом-то и смысл.

Рейчел приподняла одну бровь.

– В чем смысл?

– Вот именно! – воскликнула я, и Рейчел одарила меня взглядом, в котором явственно читалось отвращение.

– Хватит быть такой слащавой и миленькой, – холодно сказала она. Для Рейчел Крон слова «слащавый и миленький» – почти такое же ужасное ругательство, как слово «трендовый» для Свапны Бакши-Хайсмит. Несмотря на свой мягкий образ, складывающийся из стиля ее прически, макияжа, одежды, квартиры и ведения социальных сетей, Рейчел глубоко прагматичный человек. Для нее жизнь под пристальным взглядом общественности – всего лишь такая же работа, как и любая другая, и занимается она ею исключительно из-за денег, а не потому, что ей нравится быть неким подобием статуи, стоящей на лужайке для всеобщего восхищения. В конце каждого месяца Рейчел выкладывает пост, для которого подбирает самые худшие фотографии со съемок, и подписывает их так: «Эти тщательно подобранные и отредактированные изображения служат исключительно для того, чтобы вызвать у вас тоску по жизни, которой никогда не существовало в реальности. Мне за это заплатили».

Да, она ходила в академию искусств.

По какой-то причине этот недоперформанс популярность Рейчел никак не ухудшает. Так что, если в последний день месяца я остаюсь в городе, я всегда стараюсь назначить Рейчел встречу, чтобы воочию наблюдать, как она проверяет уведомления на своем смартфоне и раздраженно закатывает глаза. Периодически она срывается и восклицает:

– Да ты только послушай! «Рейчел Крон храбрая и очень настоящая. Хотела бы, чтобы она была моей мамой». Я им говорю, что они меня совсем не знают, а они продолжают нести эту чушь!

Рейчел не выносит людей, которые смотрят на мир через розовые очки. Только людей меланхоличных она, пожалуй, ненавидит еще больше.

– Я не слащавая, – заверила я ее. – И уж точно не миленькая.

Рейчел подняла брови еще выше.

– Ты уверена? Потому что ты склонна и к тому, и к другому, дорогуша.

Я закатила глаза.

– Ты просто намекаешь на то, что я низкая и ношу яркие цвета.

– Строго говоря, ты крошечная, – поправила меня Рейчел, – и носишь кричащие узоры. У тебя стиль, как у дочери парижского пекаря из шестидесятых, которая едет через утреннюю

деревню на своем велосипеде и раздает налево и направо багеты, оглашая окрестности криком: «Bonjour, le monde!»

– Так вот, – постаралась я вернуть беседу в прежнее русло, – я имела в виду вот что. В чем вообще смысл ехать в эту немыслимо дорогую поездку? Чтобы потом написать статью для всех сорока двух людей в мире, у которых найдутся средства и время последовать по моим стопам?

Брови Рейчел сошлись в прямую линию на переносице: она раздумывала.

– Во-первых, Поп, я не думаю, что читатели «О + П» покупают журнал для того, чтобы в точности следовать рекомендациям. Из сотни мест, про которые вы пишете, их заинтересуют дай бог три. А во-вторых, в журналах про туризм люди хотят видеть идеальное представление об отпуске. Они покупают номер, чтобы пометчать, а не для того чтобы запланировать поездку.

Даже когда она пребывает в образе прагматичной Рейчел, циничная Рейчел-из-академии-искусств иногда умудряется вмешаться в диалог, чтобы сказать свое веское слово. Рейчел-из-академии-искусств – это эдакий разгневанный дядюшка. Отчим, который ждет, пока все соберутся за семейным столом, чтобы сказать: «Давайте-ка вынем затычки из ушей, ребяташки», – и протягивает миску, куда все должны сложить свои мобильные телефоны.

Мне нравится Рейчел-из-академии-искусств и ее принципы, но ее неожиданное появление за нашим столиком заставило меня нервничать. Потому что теперь во мне закипают готовые вот-вот прорваться слова, которые я раньше никогда не осмеливалась произнести вслух. Мысли, вечно вертящиеся на задворках разума, пока я лежу на как будто до сих пор чужом диване в своей неуютной, все еще необжитой квартире, коротая время между поездками.

– И в чем смысл? – снова повторила я, охваченная раздражением. – Ты никогда не чувствовала чего-то такого? Вроде я ведь так усердно работаю, я сделала все, что могла...

– Не то чтобы прямо все, – произнесла Рейчел. – Ты бросила колледж, дорогуша.

– ...для того, чтобы получить работу своей мечты. И получила же. Я работаю в одном из лучших туристических журналов! У меня отличная квартира! Я могу ездить на такси сколько угодно, не беспокоясь о том, что трачу лишние деньги! И несмотря на все это... – Я глубоко, прерывисто вздохнула, выталкивая из себя слова, в которых до сих пор не была уверена, несмотря на то, что одна только мысль об этом придавила меня, словно мешок с кирпичами. – Я несчастна.

Лицо Рейчел смягчилось. Она молча положила свою ладонь поверх моей, давая мне время привести мысли в порядок и продолжить. Мне понадобилось несколько минут, чтобы собраться с силами. Я чувствовала себя неблагоприятной скотиной только за то, что вообще думала о таком, не говоря уже о том, что осмелилась высказать свои мысли вслух.

– В реальности все оказалось примерно так, как я себе и представляла, – наконец сказала я. – Вечеринки, церемонии награждений, пересадки в международных аэропортах, коктейли в самолете... Пляжи, лодки, виноградники. Все выглядит совершенно нормально, как и должно, но чувствуется совсем не так, как я думала. Да, и чувствуется совсем по-другому, честно говоря. Я привыкла неделями на стену лезть в ожидании поездки, знаешь? А потом я приезжала в аэропорт и чувствовала, словно... Словно у меня кровь закипает от предвкушения. Словно сам воздух вокруг вибрирует от многообразия возможностей. Не знаю. И что изменилось, я тоже не знаю. Может, просто я изменилась.

Рейчел заправила темную кудряшку волос за ухо и пожала плечами.

– Ты жаждала этого, дорогуша. Ты жаждала того, чего у тебя нет. И ты была голодна.

Я тут же поняла, что Рейчел права. Из моей беспорядочной мешанины слов она тут же вычленила самую суть.

– Это так глупо, – со смехом простонала я. – Моя жизнь сложилась так, как я всегда мечтала, и теперь я сижу и скучаю по тем временам, когда чего-то страстно хотела.

Скучаю по той значимости, которая была в моих поездках. По тому, как закипает кровь от предвкушения. По тому, как я пялилась в потолок моей дерьмовой, еще дожурнальных времен,

квартирки, пытаясь прийти в себя после двойной смены в баре, и часами мечтала о будущем. Мечтала о том, где я побываю, каких людей встречу, каким человеком я стану.

Рейчел осушила свой бокал и, многозначительно кивнув, положила на крекер кусочек сыра бри.

– Тоска миллениала, – вынесла вердикт она.

– Это вообще настоящее слово?

– Пока нет. Но говорят, если повторишь «тоска миллениала» три раза, то к вечеру в каком-нибудь модном журнале на эту тему выйдет эссе.

Я немедленно бросила за плечо пригоршню соли, чтобы защитить нас от такой ужасной участи. Рейчел издала смешок и подлила нам в бокалы вина.

– Мне казалось, у миллениалов обратная проблема: мы не получаем то, чего хотим. У нашего поколения проблемы с жильем, с работой, с финансовой независимостью. Мы сначала просто целую вечность ходим в институт, а потом до конца жизни работаем барменом.

– Ага, – согласилась Рейчел. – Но ты-то бросила колледж и устремилась за мечтой. Так вот и получилось.

– Не хочу я никакую тоску миллениала, – сказала я. – Я себя последней сволочью чувствую за то, что ворочу нос от своей замечательной жизни.

Рейчел снова издала смешок.

– Удовлетворение от жизни – это ложь, придуманная капитализмом, – сообщила Рейчел-из-академии-искусств. Впрочем, может, она и права? Обычно она всегда права. – Подумай сама. Все мои фотографии в соцсетях? Для чего они нужны? Для рекламы. Для продвижения определенного стиля жизни. Люди смотрят на них и думают: «Если бы у меня были туфли от «Сони Рикель» и великолепная квартира с французским дубовым паркетом, тогда бы я наконец стала счастлива. Я бы плавала в личном бассейне, поливала комнатные цветы и жгла бесконечный запас свечей от «Джо Малон», и жизнь моя была бы полна гармонии. Я бы наконец полюбила свой дом. Я бы наконец наслаждалась жизнью».

– Ну, получается у тебя неплохо, Рейч, – заметила я. – Ты выглядишь довольно счастливой.

– Еще бы, – сказала она. – Но довольна ли я жизнью? Да ни черта. Знаешь почему? – Рейчел вытасила телефон, пролистала галерею фотографий и наконец нашла нужную. На снимке Рейчел лежала на своем бархатном диване в окружении бульдогов с одинаковыми шрамами – следствие жизненно необходимой операции на челюсти. Одета Рейчел была в пижаму со Спанч Бобом, и на ней не было ни грамма косметики.

– Потому что каждый день в какой-нибудь подворотне разводят все больше и больше этих вот малышей! Одних и тех же собак заставляют спариваться снова и снова, и на свет появляется выводок за выводком генетически неполноценных щенков, страдающих от врожденных заболеваний. И всю жизнь они живут в боли и страшно мучаются. И я даже не говорю про питбулей, вынужденных ютиться в тесной клетке в каком-нибудь вшивом приюте.

– И что, ты мне предлагаешь собаку завести? – спросила я. – Это не очень-то сочетается с жизнью туристического журналиста, знаешь ли.

Честно говоря, я в любом случае не уверена, что смогла бы справиться с содержанием домашнего питомца. Я, конечно, люблю собак, но я выросла в доме, где их была целая куча. А когда дома живет животное, то вместе с ним неизбежно поселяются шерсть, лай и сущий хаос. А еще проблема в том, что я и сама по себе человек весьма хаотичный. Если я отправлюсь в приют за собакой, то совершенно случайно могу вернуться домой с шестью щенками и диким койотом в придачу.

– Нет, я говорю, что цель в жизни имеет куда большее значение, чем удовольствие. У тебя было множество целей, связанных с карьерой, и все ты уже достигла. Вуаля – в твоей жизни цели больше нет.

– И теперь мне нужна новая.

Рейчел сочувственно кивнула:

– Я как-то читала об этом статью. Достижение важной жизненной цели часто приводит людей к депрессии. Жизнь – это путешествие, а не конечная точка, дорогуша, или что там за хрень обычно пишут на мотивирующих картинках. – Лицо Рейчел снова смягчилось, придя в полное соответствие с образом, который она использовала для социальных аккаунтов. – Знаешь, мой психотерапевт говорит...

– Твоя мама, – поправила я.

– Она была психотерапевтом, когда это сказала, – возразила Рейчел. Это значит вот что: Сандра Крон определенно являлась доктором Сандрой Крон, точно так же, как Рейчел иногда определенно является Рейчел-из-академии-искусств, но никакого отношения к настоящему сеансу психотерапии это не имеет.

Как бы Рейчел ни умоляла, ее мать отказывается быть для нее лечащим врачом, а Рейчел, в свою очередь, отказывается обращаться к кому-нибудь еще. В этом тупике они пребывают уже очень много лет.

– В общем, – продолжила она, – как-то она сказала, что если ты утратила чувство счастья, то искать его нужно точно так же, как если бы ты искала любую другую потерянную вещь.

– Ругаясь и перерывая диванные подушки? – попробовала угадать я.

– Вспомнить, что ты делала до этого, – объяснила Рейчел. – Итак, Поппи, все, что нужно сделать, – это хорошенько подумать и задать себе один вопрос: когда ты в последний раз была по-настоящему счастлива?

Проблема заключалась в том, что мне не нужно было над этим хорошенько думать. Или вообще хоть как-либо думать.

Я и так знала, когда я в последний раз была по-настоящему счастлива.

Два года назад, в Хорватии, с Алексом Нильсеном.

Но что с этого толку? Я не могу вернуться назад, потому что с того момента мы больше ни разу не разговаривали.

– Просто подумай об этом, хорошо? – сказала Рейчел. – Доктор Крон всегда права.

– Ага, – не стала спорить я. – Обязательно подумаю.

Глава 2

Этим летом

И я действительно об этом думала.

Думала, пока ехала домой на метро. Думала, пока шла четыре квартала пешком. Думала, пока принимала душ, пока наносила на волосы бальзам, а на лицо – крем, думала, пока лежала на неудобном диване, несколько часов кряду рассматривая потолок.

Я слишком редко бывала в этой квартире, чтобы успеть превратить ее в настоящий дом. Кроме того, я выросла с крайне прижимистым отцом и очень сентиментальной матерью, что означает, что дом моих родителей всегда был до краев наполнен разнообразным хламом. Мама до сих пор хранит треснувшие чашки, которые мы с братьями дарили ей в детстве, а папа устроил из нашего заднего двора целую парковку для старых машин – на случай, если он вдруг выучится на автомеханика и сможет их отремонтировать. Я до сих пор так и не выяснила, какое количество милых сердцу безделушек является приемлемым в приличном обществе. Зато я помню, как люди всегда реагируют, когда видят дом моих родителей, так что я решила на всякий случай придерживаться минимализма в дизайне.

Так что помимо непомерно большой коллекции винтажной одежды (первое правило семьи Райт – зачем покупать что-то новое, если можно купить подержанную вещь за полцены), вещей в моей квартире особо-то и не было. Глазу не за что зацепиться. Так что я просто смотрела в потолок и размышляла.

И чем больше я вспоминала о наших с Алексом поездках, тем больше я хотела вновь отправиться с ним в отпуск. Но ничего приятного в этих мечтах не было. Я не испытывала ни привычной радости, ни заряда энергии, которые всегда ощущала, когда мечтала о том, чтобы увидеть Токио в сезон цветущей сакуры или побывать на фанатском фестивале в Швейцарии – это тот, знаете, где люди в необычных масках высыпают на ярко раскрашенные улицы, а на каждом углу можно встретить задорно отплясывающего шута.

Нет, сейчас я испытывала скорее тоску и печаль.

Хотеть чего-то, чего ты никогда не сможешь получить, куда хуже, чем не хотеть вообще ничего.

И после двух лет молчания наше воссоединение не представлялось возможным.

Ну, хорошо, не полного молчания. Алекс все еще поздравлял меня с днем рождения по СМС, а я, в свою очередь, поздравляла его. Каждый раз мы отвечали что-нибудь вроде «Спасибо» или «Как поживаешь?», но дальше разговор никогда не заходил.

Первое время после того случая я еще говорила себе, что нужно просто подождать. Что со временем Алекс отойдет, что между нами снова все станет по-прежнему и мы снова будем лучшими друзьями. Может, мы даже посмеемся над тем, что так долго игнорировали друг друга.

Но дни сменялись неделями, и после месяца постоянной проверки телефона – вдруг я не заметила сообщение? – я уже даже перестала подпрыгивать от возбуждения каждый раз, когда слышала треньканье пришедшей эсмэски.

Наша жизнь продолжилась порознь. Сначала это было непривычно и странно, но постепенно ко всему привыкаешь, и вскоре я примирилась с мыслью, что изменить тут ничего нельзя. Что и приводит нас к сегодняшнему дню, где я уже битый час лежу на диване и пялюсь в никуда.

Я слезла с дивана, взяла с журнального столика ноутбук и вышла на балкон. Там я опустилась на стул и задрала ноги на балконные перила, все еще теплые от солнца, несмотря на поздний час. Внизу зазвенели колокольчики, висящие над дверью винного магазинчика за углом,

а по улице спешили люди, возвращаясь домой после вечерней гулянки. Около моего любимого бара пристроилась парочка такси в ожидании клиентов. Бар, кстати, назывался «Хороший мальчик» и заслужил свою репутацию не уровнем подаваемых напитков, а весьма либеральной политикой, разрешающей приводить с собой в зал собак. Только так мне и удавалось смириться со своим «безживотным» существованием.

Я включила ноутбук, отогнала вьющегося у экрана мотылька и открыла страничку своего старого блога. К счастью, «О + П» не было никакого дела до его существования. То есть, конечно, когда меня принимали на работу, блог выступал примером моих журналистских способностей, но никого в конечном счете не волновало, веду я его или нет. Корпорацию интересовало только то, что можно монетизировать, а мой блог с весьма скромным кругом преданных читателей, повествующий о том, как бюджетно съездить в отпуск, монетизировать было нельзя.

«О + П» с бюджетным отпуском ничего общего не имел. Первое время я не собиралась забрасывать свой блог под гордым названием «Вокруг света с Поппи», но вскоре после той поездки в Хорватию не смогла написать больше ни строчки.

Я пролистала страницу вниз – к посту о нашем последнем с Алексом отпуске. В то время я уже работала в «О + П», а значит, каждая секунда этого неприлично роскошного путешествия была оплачена журналом. Я думала, что это будет лучшая поездка в нашей жизни. Что ж, какие-то ее моменты и правда были неплохи.

Я перечитала свой пост. Несмотря на то, что я вымарала из текста малейшее упоминание Алекса и того, что между нами случилось, любому было бы совершенно очевидно – домой я вернулась абсолютно несчастной.

Я отмотала страницу еще дальше, выискивая посты о летних путешествиях. Мы с Алексом всегда их так звали. О предстоящей поездке мы переписывались весь год, сразу же после того как приезжали из предыдущей. Мы строили планы, зачастую даже еще не решив, куда именно мы поедem и где найдем на это деньги.

Великое летнее путешествие.

«Универ у меня уже в печенках, поскорее бы летнее путешествие», – говорила я. Мы даже разработали специальную форму для летних путешествий – это должна была быть футболка с надписью «Да, они настоящие» прямо поперек груди и джинсовый комбинезон, короткий настолько, что являлся, по сути, замысловатым нижним бельем.

Порыв горячего ветра отбросил волосы мне на лицо и принес с улицы вонь мусорных баков и запах дешевой пиццы, продающейся через дорогу. Я завязала волосы в узел, захлопнула ноутбук и решительно вытащила из кармана телефон. Со стороны могло показаться, что у меня в голове даже имелся какой-то план.

Нельзя этого делать. Это будет как-то совсем уже дико, сказала я себе.

Но я уже набирала номер Алекса, все еще сохраненный в списке избранных контактов. Поначалу я сохраняла его там из врожденного оптимизма, который затем сменился пониманием, что удалить номер сейчас – это поставить последнюю точку в наших отношениях, и пойти на такой трагический шаг я не смогу.

Мой палец завис над электронной клавиатурой.

«Все думаю о тебе», – написала я. С минуту я гипнотизировала экран взглядом, а затем стерла сообщение и начала заново.

«Может, хочешь выбраться куда-нибудь из города?» – написала я. Звучит неплохо. Небрежный такой повседневный вопрос. К тому же сразу ясно, чего я хочу. Но чем дольше я перечитывала эту фразу, тем более странно она начинала звучать. Тем более странно я чувствовала себя, притворяясь, что ничего не случилось и мы с Алексом все еще близкие друзья, планирующие совместный отпуск в полуночных эсэмэсках.

Я снова стерла сообщение, сделала глубокий вдох и написала: «Эй».

– Эй? – рывкнула я, начиная всерьез на себя злиться. Идущий по улице прохожий подскочил от неожиданности, задрал голову, изучая сидящую на балконе меня, пришел к выводу, что я разговариваю не с ним, и поспешил дальше.

Ну нет. Я не собираюсь отправлять Алексу Нильсену сообщение, в котором говорится просто «Эй».

Я выделила слово, чтобы удалить его, и тут произошло кое-что абсолютно ужасное.

Я совершенно случайно задела кнопку «отправить», и СМС ушелестело прочь.

– Черт-черт-черт! – зашипела я и принялась неистово трясти телефон в надежде, что он отдаст СМС назад. – Нет-нет-не...

Треньк.

Я застыла с открытым ртом. Сердце в груди колотилось, а живот скрутило спазмом.

Новое сообщение. Отправитель: Александр Великий.

И в нем одно только слово: «Эй».

Я была настолько ошарашена, что чуть не отправила «Эй» в ответ. Как будто я ему вообще ничего не писала, как будто это Алекс вдруг появился из ниоткуда и принялся мне эйкать. Но он, конечно, не тот человек, который стал бы так делать. Это я тот человек.

И поскольку я тот человек, который отправляет наихудшие текстовые сообщения в мире, теперь мне предстоит понять, как перевести эту беседу в более естественное русло.

Что же мне сказать?

«Как ты?» звучит слишком серьезно? Если я спрошу у Алекса, как он, будет ли это выглядеть так, словно я хочу получить следующий ответ: «Поппи, я по тебе ужасно скучаю. Просто не представляешь, насколько?»

Может, начать с чего-нибудь более безобидного? «Чего нового?», например?

Но то, что я пишу Алексу спустя столько времени – уже само по себе чрезвычайно странно, и если я буду это игнорировать, то ситуация станет еще более странной.

«Прости, что я написала тебе «Эй» по СМС», – набрала я. Затем стерла и предприняла вторую попытку в более забавном ключе:

«Наверное, ты теряешься в догадках, зачем же я тебе пишу».

Получилось совсем незабавно, но что я могла поделаться? Я стояла на своем крошечном балкончике, трясясь от нервного ажиотажа, и боялась, что если не отвечу как можно скорее, то момент будет упущен.

Так что я отправила сообщение и принялась ходить взад-вперед. Правда, балкон у меня совсем маленький и стул занимает добрую половину пространства, так что, по сути, я просто крутилась на месте, сопровождаемая стайкой мотыльков, прилетевших на свет моего телефона.

Снова тренькнул телефон, и я свалилась на кресло, открывая сообщение.

«Это насчет сэндвичей, которые пропали из комнаты отдыха?»

Секунду спустя пришло и второе сообщение:

«Потому что я их не брал. Там же не стоят камеры наблюдения, правда? Потому что если стоят, то я приношу извинения».

На моем лице расцвела улыбка, и напряжение в груди ослабло, смытое волной облегчения.

Дело было вот в чем: когда-то давно Алекс был уверен, что его уволят из школы. В то утро он проспал и не успел позавтракать, а во время обеденного перерыва у него был назначен прием у врача. Времени зайти пообедать у него не было, так что он отправился в учительскую, надеясь, что с чьего-нибудь прошлого дня рождения в холодильнике остались пончики или парочка черствых кексов.

Но то был первый понедельник месяца, а учительница американской истории мисс Делалло (которую Алекс втайне считал своим заклятым врагом) каждую последнюю пятницу месяца неукоснительно вычищала весь холодильник и кухонный столик, выкидывая все, что

ей казалось лишним. Относилась она к этому очень серьезно и явно ожидала благодарности – хотя, честно говоря, все в основном только страдали, оттого что в процессе мисс Делалло случайно выбрасывала чей-нибудь замороженный обед.

Словом, единственное, что Алексу удалось найти в холодильнике, – это сэндвич с тунцом. Рассказывая мне эту историю, Алекс пошутил, что это буквально визитная карточка Делалло.

Так что он съел сэндвич в качестве жеста протеста (и еще потому, что был голоден). Следующие три недели Алекс провел, будучи полностью уверенным в том, что кто-нибудь узнает о его преступлении и его уволят с работы. Не то чтобы работать учителем литературы в старших классах было пределом его мечтаний, но платили ему неплохо, к должности прилагался приличный соцпакет, и к тому же школа находилась в нашем родном городе, штат Огайо. Для меня это было существенным минусом, но для Алекса это значило, что он будет жить неподалеку от своих трех младших братьев и их отпрысков, которых они усиленно начали заводить.

А работу, которую он действительно хотел – преподавать в университете, – в то время найти было не так уж и просто. Так что Алекс не мог позволить себе потерять работу – и к счастью, все закончилось хорошо.

«СэндвичИ? ВО МНОЖЕСТВЕННОМ ЧИСЛЕ? – написала я. – Умоляю, скажи, что ты стал полноценным вором сэндвичей с морепродуктами».

«Делалло не большая любительница сэндвичей с морепродуктами, – ответил Алекс. – В последнее время ей больше нравится мясная начинка».

«И сколько сэндвичей с мясом ты успел украсть?» – спросила я.

«Учитывая, что нас может читать АНБ, отвечу, что нисколько».

«Ты учитель старших классов в Огайо. Конечно же, нас читает АНБ».

Алекс ответил мне грустным смайликом.

«Думаешь, я недостаточно важная личность для того, чтобы за мной следило правительство США?»

Я знала, что он шутит, но с Алексом Нильсеном вот такая штука. Несмотря на то, что он высокий и широкий в плечах мужчина, который чрезмерно любит спорт и здоровое питание, само воплощение сдержанности, он еще может соорудить лицо грустного щеночка. Ну, по крайней мере, он обладает способностью мгновенно его изобразить. У Алекса всегда немного сонные глаза, под которыми виднеются мешки – явное свидетельство того, что он не такой большой фанат здорового сна, как я. У него пухлые губы идеальной формы с ярко выраженной впадинкой. Наконец, у него вечно взъерошены волосы – на эту часть своей внешности Алекс не обращает внимания, – и все это в сочетании придает его лицу некий мальчишеский вид, который при правильном использовании вызывает у меня чисто инстинктивное желание защитить Алекса от всех невзгод.

Когда его глаза расширяются и начинают влажно поблескивать, а рот растягивается в форме грустной буквы «О», эффект получается примерно такой же, как если бы я услышала жалобный визг брошенного песика.

Когда другие люди шлют мне грустный смайлик, я просто отмечаю, что они чем-то слегка расстроены. Когда Алекс шлет мне грустный смайлик, я знаю, что это электронный эквивалент его лица грустного щеночка, которое он всегда использует, чтобы меня поддразнить. Помню, когда мы напивались, то иногда садились играть в шахматы или «Скрэбблс». Стоило мне только начать выигрывать, как Алекс строил такую грустную рожу, что я начинала истерически смеяться и в итоге падала со стула, умоляя его перестать.

«Ну конечно же, ты очень важен, – напечатала я. – Если бы в АНБ знали о силе Лица Грустного Щеночка, тебя бы уже всюю клонировали в правительственной лаборатории».

С минуту Алекс что-то печатал, потом останавливался, потом печатал снова. Я подождала еще немного.

Может, это оно? Сообщение, после которого он перестанет мне отвечать? Или мы начнем обсуждать ту старую тему? Хотя, зная его, скорее всего, он просто скажет что-нибудь вроде: «Приятно было поговорить, но мне пора спать. Доброй ночи».

Треньк!

Я начала хохотать. В груди разлилось успокоительное тепло.

Это фотография. Размытый снимок, на котором освещенный тусклым фонарным светом Алекс делает свое печально известное лицо. Как и почти любое селфи, которое он когда-либо снимал, фотография сделана немножко снизу, и его голова кажется непропорционально длинной. Я запрокинула голову, все еще хохоча как безумная.

«Ах ты мерзавец! – напечатала я. – Сейчас час ночи, а мне хочется немедленно отправиться в приют и спасти какого-нибудь бедняжку».

«Ну-ну, – ответил Алекс. – Ты никогда не заведешь собаку».

В груди как-то болезненно кольнуло. Алекс самый аккуратный, чистоплотный и организованный человек из всех, что я знаю, но он ужасно любит животных, и я практически уверена, что он считает большим недостатком то, что я не готова взять на себя ответственность за питомца.

Я обернулась на одинокий засохший кактус, позабытый в дальнем углу балкона. Покачав головой, принялась набирать следующее сообщение.

«Как поживает Фланнери О’Коннор?»

«Мертва», – написал Алекс.

«Кошка, а не писательница!»

«Тоже мертва», – ответил он.

Сердце у меня замерло. Как бы я ни презирала эту кошку (и чувства наши были абсолютно взаимны), я знала, что Алекс ее просто обожал. А потом ко мне пришло осознание, что Алекс даже ничего не сказал мне о ее смерти, и это ранило меня еще сильнее.

«Алекс, мне так жаль, – быстро набрала я. – Господи. Мне ужасно жаль. Я знаю, как сильно ты ее любил. У этой кошки была замечательная жизнь».

«Спасибо», – только и ответил он.

Я смотрела на это единственное слово, не зная, что сказать дальше. Прошло четыре минуты, затем пять, затем десять.

«Мне пора спать, – наконец написал он. – Доброй ночи, Поппи».

«Ага, – ответила я. – И тебе».

А потом я просто сидела на балконе, пока разлившееся в груди тепло не исчезло окончательно.

Глава 3

Двенадцать летних сезонов назад

Я заметила его в первый же вечер ознакомительной недели в Чикагском университете. Одет он был в штаны цвета хаки и футболку с эмблемой университета – а ведь он провел в стенах этого замечательного учреждения всего часов десять. Я всегда представляла, что приехав, в большой город, тут же заведу дружбу с местной художественной интеллигенцией – и, прямо скажем, этот молодой человек ни на какую интеллигенцию похож не был. Но на вечеринке я была одна (как выяснилось, у моей соседки по общежитию в университете уже учились и друзья, и старшая сестра, так что она быстро смылась к ним), и этот парень тоже был один, так что почему бы и нет? Я подошла к нему, взмахнула стаканом в сторону его футболки и произнесла:

– Значит, ты учишься в Чикагском университете?

Он тупо на меня уставился.

Я неуверенно объяснила, что это была шутка.

Он в ответ пробормотал что-то про заляпанную в последний момент рубашку и то, что ему пришлось срочно переодеваться. Щеки у него порозовели. Мне стало неловко наблюдать за его страданиями.

А потом его глаза опустились вниз и расширились. На мне тогда был ярко-оранжевый комбинезон с цветочным принтом прямиком из семидесятых, но отреагировал он на этот факт так, словно вдобавок я держала в руках плакат с надписью «НА ХЕР ХАКИ».

Тогда я спросила у него, откуда он родом, потому что я понятия не имела, о чем еще поговорить с незнакомцем, с которым меня объединяет только то, что мы оба провели несколько часов на весьма невнятной экскурсии по кампусу и посетили парочку скучных лекций о жизни в Чикаго. А, ну еще и то, что мы ненавидим одежду друг друга.

– Огайо, – ответил он. – Я из Западного Линфилда.

– Да ты что! – воскликнула я. – А я из Восточного Линфилда.

Лицо его озарилось. Я это ликование не разделяла: как по мне, то, что вы оба из Линфилда, – это не лучшее сходство. Это как заболеть одним и тем же штаммом гриппа – есть, конечно, вещи и похуже, но и радоваться тут особо нечему.

– Меня зовут Поппи, – сказала я.

– Алекс, – представился он и пожал мою руку.

Когда вы представляете себе идеального лучшего друга, то звать его точно будет не Алекс. И выглядеть он вряд ли будет как школьный библиотекарь. Скорее всего, вы также не будете мечтать о том, чтобы ваш лучший друг старательно избегал смотреть людям в глаза и разговаривал тихим невыразительным голосом.

Мне пришло в голову, что если бы я понаблюдала за ним еще немного, а не сразу бы бросилась знакомиться, то легко угадала бы и его имя, и то, что он родом из Западного Линфилда. Эти два факта естественным образом сочетались с его брюками цвета хаки и эмблемой Чикагского университета на футболке.

Еще мне пришло в голову, что наша дальнейшая беседа будет становиться только скучнее, но делать мне было все равно нечего, так что я решила проверить эту теорию на практике.

– Для чего ты сюда приехал? – спросила я, и он озадаченно нахмурил брови.

– Для чего? – переспросил он.

– Ну, знаешь, – объяснила она, – я вот приехала, чтобы найти богатого нефтяного барона, которому срочно понадобилось обзавестись молодой женой.

Он снова тупо на меня уставился.

– Что ты изучаешь? – перевела я.

– А. Пока не уверен. Возьму курс юриспруденции, наверное. Или литературы. А ты?

– Еще не решила. – Я отсалютовала пластиковым стаканчиком. – В основном я здесь из-за пунша. Ну и чтобы быть подальше от южного Огайо.

За следующие пятнадцать мучительных минут нашего знакомства я выяснила, что Алекс получил академическую стипендию, а Алекс, в свою очередь, выяснил, что мне на учебу пришлось взять кредит. Я рассказала ему, что я в семье самая младшая и, кроме того, единственная девочка. Он же рассказал мне, что он старший и у него трое братьев. Потом он спросил, видела ли я местный спортивный зал, на что я искренне ответила: «Нет, а зачем?», после чего разговор сам собой затих. Теперь мы просто стояли, неловко переминаясь с ноги на ногу.

Он был высоким, тихим и больше всего на свете жаждал посмотреть местную библиотеку.

Я была низенькая, громкая и отчаянно надеялась, что кто-нибудь вот-вот пригласит нас на нормальную вечеринку.

Когда мы наконец разошлись, я была полностью уверена, что больше никогда не заговорим.

И, полагаю, Алекс был уверен в том же самом.

В конце концов, он не сказал мне «Пока», или «До встречи», или «Может, обменяемся номерами?». Нет, он просто сказал: «Удачи в учебном году, Поппи».

И ушел.

Глава 4

Этим летом

– Ну как, ты подумала? – спросила Рейчел. Она неистово крутит педали велотренажера, да так, что пот льет с нее ручьем, но дыхание у нее ровное и спокойное. Мы, как всегда, нашли два тренажера в заднем углу зала, чтобы можно было спокойно поговорить и не отвлекать других.

– О чем подумала? – выдохнула я.

– О том, что делает тебя счастливой. – Рейчел налегла на педали сильнее, следуя команде тренера. Я же устало навалилась на руль. Педали я крутила с таким усердием, словно прорывалась через патуку. Я ненавижу физические упражнения: мне нравится сама мысль о том, что я занимаюсь спортом.

– Тишина, – выдохнула я, чувствуя пульсирующее в горле сердце. – Делает. Меня. Счастливой.

– И? – не отступила Рейчел.

– Те батончики с ванильно-малиновым кремом, – вспомнила я.

– И?

– *Иногда* счастливой меня делаешь ты! – отрезала я. По крайней мере, я постаралась, чтобы фраза звучала строго, но эффект был смазан одышкой.

– И закончили! – скомандовал тренер. По комнате прокатился облегченный вздох тридцати с лишним людей. Большинство тут же обмякло на своих велосипедах, некоторые и вовсе сползли прямо на пол, и только Рейчел элегантно сошла с тренажера, словно олимпийская гимнастка. Она вручила мне бутылку воды. Вместе мы вошли в раздевалку, а затем – на залитую слепящим светом улицу.

– Я не буду допытываться, – сказала Рейчел. – Возможно, для тебя это личное.

– Это Алекс, – выпалила я.

Рейчел остановилась и сжала мое запястье с такой силой, что я почувствовала себя в заложниках. Вокруг нас стремительно начала скапливаться пешеходная пробка.

– Что.

– Не в этом смысле, – поспешила объяснить я. – Я про наши совместные поездки в отпуск. Для меня это лучшее, что было в моей жизни.

И ничто с этим не сравнится.

Даже если я когда-нибудь выйду замуж или заведу ребенка, самым счастливым днем в моей жизни все равно останется тот день, когда мы с Алексом отправились в поход по окутанному туманом секвойному лесу. Когда мы подъехали на место, начал лить дождь, и дорогу размыло. Весь лес был в нашем распоряжении, так что мы сунули в рюкзак бутылку вина и двинулись в путь, а когда мы уверились, что рядом точно никого нет, то откупорили бутылку. Поочередно отпивая прямо из горла, мы шли по безмолвному неподвижному лесу.

Помню, как Алекс сказал: «Жаль, что поспать здесь нельзя. Знаешь, просто лечь и вздремнуть».

А затем мы подошли к огромному, полному внутри стволу дерева – вы, наверное, видели те деревья, что трескаются посередине и в итоге формируют что-то вроде деревянной пещеры. Со стороны это было похоже на две гигантские ладони, сложенные чашечкой.

Мы протиснулись внутрь и свернулись на усыпанной иголками сухой земле. Мы не спали, но отдохнули мы неплохо. Как будто, вместо того чтобы восстановить энергию через сон, мы просто насытились витающей в воздухе силой: всеми этими столетиями солнечного света и дождей, благодаря которым выросла предоставившая нам убежище секвойя.

– Ну значит, тебе нужно ему позвонить, – сказала Рейчел, ловко выдергивая меня из воспоминаний. – Никогда не понимала, почему ты не можешь с ним просто поговорить. По моему, это глупо – терять такого важного человека из-за одной ссоры.

Я покачала головой:

– Я ему уже написала. Непохоже, что он хочет восстановить нашу дружбу, и уж точно он не хочет отправиться со мной в незапланированную поездку. – Я снова зашагала следом за Рейчел, поправляя на потном плече ремешок от спортивной сумки. – Слушай, может, ты со мной поедешь? Было бы весело. Мы сто лет никуда вместе не выбирались.

– Ты же знаешь – я нервничаю, когда приходится уезжать из Нью-Йорка.

– И что только сказал бы об этом твой психотерапевт? – поддразнила ее я.

– Она бы сказала: «Дорогая, что есть такого в этом Париже, чего нет на Манхэттене?»

– Ну... Эйфелева башня? – предположила я.

– Она тоже нервничает, когда я уезжаю из Нью-Йорка, – сказала Рейчел. – Нью-Джерси – это максимум, на который растягивается наша с ней незримая пуповина. Пойдем лучше выпьем сока. Эта сырная тарелка сформировала в моей прямой кишке самую настоящую пробку.

В пол-одиннадцатого вечера воскресенья я сидела на кровати с обжигающе-горячим ноутбуком на коленях. К тому времени в браузере было открыто уже с полдюжины различных окон, но мой список стран для отпуска далеко не продвинулся. В данный момент в нем значилось три пункта:

1. Ньюфаундленд
2. Австрия
3. Коста-Рика

Только я успела приступить к составлению заметок про наиболее интересные города и примечательные места каждой из стран, как на столе зажужжал телефон. Все воскресенье мне писала Рейчел, кляня на чем свет стоит молочные продукты, так что ничего особо интересного я не ожидала. Однако когда я взяла в руки телефон, на экране высветилось имя Александра Великого.

Теплое ощущение снова поселилось в моей груди, да так быстро, что голова у меня закружилась.

Прислал он мне какую-то фотографию. Я нажала «открыть», и моему взгляду предстала моя уморительно кошмарная фотография с выпускного, дополненная превосходной цитатой, которую я выбрала для подписи в школьном альбоме: «ПОКА».

«Ну неееееет, – напечатала я, хохоча во все горло. Ноутбук я тут же отставила в сторону. – Где ты это вообще нашел?»

«В библиотеке Восточного Линфилда, – ответил Алекс. – Я обустроивался в классной комнате и тут вспомнил, что в школах хранят альбомы с выпускного».

«Ты предал мое доверие, – пошутила я. – Ну все, я иду к твоим братьям. Скажу им, чтобы они прислали мне твои детские фотки».

Он тут же мне прислал памятную фотографию Грустного Щеночка, снятую в пятницу: лицо размыто, уличные фонари отбрасывают на одежду яркий оранжевый отблеск.

«Ты злая», – написал он.

«Это что, стоковое фото, которое ты сохранил ради подобных случаев?» – спросила я.

«Нет, – ответил он. – Я сделал фото в пятницу».

«Как-то ты поздно гуляешь по Линфилду, – заметила я. – Что там вообще открыто в такой час? Закусочная?»

«Как выяснилось, если тебе исполнилось 21 год, в Линфилде полно развлечений, – ответил Алекс. – Я был в Бердесе».

Бердис – это бар (и, как утверждается, «и гриль»), оформленный в тематике гольфа. Стоит он напротив моей старшей школы.

«Бердис? – напечатала я. – Фу! Там же только учителя пьют!»

Алекс незамедлительно прислал мне еще одну фотографию Лица Грустного Щеночка, но на этот раз хотя бы свежую: на ней он был в серой футболке, его взъерошенные волосы торчали во все стороны, а за спиной виднелась деревянная спинка кровати.

Значит, он тоже сидит на кровати. И пишет мне. И когда он возился в своем классе, то не просто думал обо мне – он даже потрудился найти старый школьный альбом с моей фотографией.

Я заулыбалась во весь рот. От восторга у меня шумело в голове. Удивительнейшим образом этот разговор ощущался совсем как самое начало нашей дружбы: когда каждая эсэмэска кажется самой смешной на свете, а каждый быстрый созвон превращается в полуторачасовую беседу – пусть мы и встречались всего пару дней назад. Я вдруг вспомнила, как в один из наших первых телефонных разговоров – задолго до того, как я начала считать Алекса своим лучшим другом – я сказала, что я ему перезвоню, потому что мне нужно отойти в туалет. Затем мы снова созвонились, проговорили еще час, и тут уже Алексу понадобилось сделать перерыв по той же причине.

К тому моменту мне уже казалось глупым вешать трубку только для того, чтобы случайно не услышать журчание мочи в унитаз, поэтому я сказала, что он может не вешать трубку, если хочет. Алекс, конечно, предложением не воспользовался – ни тогда, ни после, – но я с тех пор часто писала прямо посреди разговора. С его разрешения, конечно.

А теперь вот я сидела и глупо трогала его фотографию кончиками пальцев – словно каким-то образом я могла почувствовать его прямо через экран, словно сейчас мы окажемся ближе, чем мы были все эти два года. В квартире была я одна, и никто меня не видел, но чувствовала я себя все равно по-идиотски.

«Шучу! – написала я. – Когда я в следующий раз приеду домой, нам нужно будет сходить надраться с миссис Лаутценхайзер».

Даже не подумав, я отправила сообщение, и тут до меня дошло. Рот мгновенно пересох. Когда я в следующий раз приеду домой.

Мы.

Я, наверное, зашла слишком далеко? Звучало это так, будто мы *должны* провести время вместе, да?

Алекс на это никак не отреагировал. Просто написал:

«Лаутценхайзер стала трезвенницей. Еще она перешла в буддизм».

Ни положительной реакции на мое предложение, ни отрицательной. Это побудило во мне желание немедленно добиться ответа.

«Тогда, видимо, вместо этого нам придется сходить к ней за духовным просветлением», – написала я.

Алекс печатал ответ слишком уж долго. Все это время я сидела, скрестив пальцы на удачу, и усердно посылала Алексу телепатические приказы: не вздумай отказываться! Не вздумай!

Боже ты мой.

Я-то думала, что у меня все хорошо, что я оправилась от нашего дружеского разрыва, но теперь, когда мы снова разговариваем, я с каждой минутой скучаю по нему все больше.

Телефон завибрировал у меня в руках. Два слова:

«Видимо, да».

Не самый лучший результат, но хоть что-то.

Я была опьянена происходящим. Всеми этими фотографиями из выпускного альбома, обменом селфи, самой идеей, что Алекс сидит сейчас на кровати и пишет мне сообщения.

Может, я давила на него слишком сильно, может, задавала слишком много вопросов, но остановиться я не могла.

Целых два года я мечтала попросить Алекса дать нашей дружбе еще один шанс, но я так боялась получить отрицательный ответ, что ни разу ничего не сказала.

Молчание нам воссоединиться не помогло. И я скучаю по нему: я скучаю по тому, как мы проводили время вместе, я скучаю по летним путешествиям. И я знаю – в моей жизни все еще есть одна вещь, которую я по прежнему очень-очень хочу, и у меня есть только один способ узнать, могу ли я ее получить.

«А ты, случаем, не свободен в школьные каникулы? – пока я это печатала, меня трясло так сильно, что зубы начали стучать. – Я думаю отправиться в отпуск».

Я сделала три глубоких вдоха и быстро нажала «отправить».

Глава 5

Одиннадцать летних сезонов назад

Иногда я видела Алекса Нильсена на территории кампуса, но мы ни разу не заговаривали, пока не кончился первый учебный год.

На самом деле все это устроила Бонни, моя соседка по общежитию. Когда она сказала, что у нее есть приятель с юга Огайо, который ищет попутчика для поездки домой, я и не подумала, что речь идет о том самом парне из Линфилда, которого я встретила в первый же вечер.

Основная причина моей недогадливости заключалась в том, что Бонни оставалась для меня полной загадкой. Все девять месяцев она появлялась на пороге общежития только для того, чтобы сходить в душ и переодеться, после чего отправлялась в квартиру своей сестры. То, что она вообще знала, что я из Огайо, было само по себе удивительно.

Я подружилась с несколькими девушками с нашего этажа – мы вместе ужинали, смотрели фильмы, ходили на вечеринки, – но Бонни не входила в наш тесный круг первогодок, подружившихся исключительно из необходимости обзавестись социальными отношениями. Так что идея, что ее другом мог оказаться тот самый Алекс из Линфилда, не пришла мне в голову, даже когда она дала мне его имя и номер телефона, чтобы мы могли договориться о встрече.

Когда я в назначенное время спустилась вниз и обнаружила Алекса, ждущего меня у машины, я удивилась. А вот по его спокойному, несколько страдальческому лицу было ясно, что он-то прекрасно был осведомлен о таком развитии событий.

На нем была та же самая футболка, что и в первый день нашей встречи, ну или он купил несколько запасных штук, чтобы можно было носить эмблему любимого университета без перерыва.

– Так это ты! – закричала я с другой стороны дороги. Он пригнул голову, заливаясь румянцем.

– Ага. – И не произнеся больше ни слова, он подошел ко мне, забрал сумки и принялся загружать их на заднее сиденье машины.

Первые двадцать пять минут мы ехали в неловком молчании. Еще хуже было то, что мы попали в жуткую пробку, так что уехали не так уж и далеко.

– У тебя есть аудиопровод? – спросила я, копясь в центральной консоли. Алекс перевел на меня взгляд, и рот у него скривился.

– Зачем?

– Потому что я хочу проверить, смогу ли я прыгать через скакалку, пока пристегнута ремнем безопасности, – фыркнула я, складывая на место влажные салфетки и антисептик для рук, которые я успела перевероршить в поисках кабеля. – А ты как думаешь? Чтобы мы могли послушать музыку.

Плечи Алекса приподнялись вверх, придавая ему сходство с черепахой, пытающейся спрятаться в панцирь.

– Что, прямо в пробке?

– Ну... – произнесла я. – Как бы да?

Его плечи поднялись еще сильнее.

– Тут столько всего творится...

– Мы едва движемся, – заметила я.

– Это да, – он поморщился. – Но мне сложно сосредоточиться. И все еще жмут на клаксоны, и...

– Ладно. Без музыки так без музыки. – Я откинулась на спинку кресла и вернулась к прежнему занятию: принялась бездумно таращиться в окно. Алекс вдруг многозначительно откашлялся, словно хотел что-то сказать, но не мог решиться.

– Да? – обернулась я.

– Не могла бы ты... перестать это делать? – Он дернул подбородком в сторону окна, и я поняла, что все это время барабанила по стеклу пальцами. Я сложила руки на коленях, но еще через какое-то время заметила, что машинально притопываю ногой.

– Я не привыкла к тишине! – начала оправдываться я, когда Алекс бросил на меня взгляд.

Я выросла в доме, где помимо меня существовали еще три большие собаки, кошка с легкими оперной певицы, два брата, играющие на трубе, и родители, которые считали, что запущенный на фоне канал телемагазина звучит «успокаивающе».

Я как-то приспособилась к тишине моей комнаты, страдающей острой нехваткой Бонни, но это... Сидеть в тишине, посреди пробки, с человеком, которого я едва знала, – это было уже слишком.

– Разве нам не нужно познакомиться и все такое? – спросила я.

– Мне нужно сосредоточиться на дороге, – ответил Алекс. Уголок его рта напрягся.

– Ладно.

Алекс вздохнул – впереди показался источник всех наших неприятностей. Авария. Оба пострадавших автомобиля уже переместили на обочину, но устранить затор это не слишком помогло.

– Ну конечно, – сказал он. – Людям обязательно нужно остановиться и посмотреть. – Затем он распахнул центральную консоль и принялся в ней копать, пока не нашарил аудиокабель. – Держи. Выбирай, что хочешь поставить.

Я приподняла одну бровь.

– Ты уверен? Смотри, как бы тебе жалеть не пришлось.

Алекс нахмурился:

– Почему я должен буду об этом жалеть?

Я бросила взгляд на заднее сиденье его автомобиля. Его багаж был аккуратно сложен в подписанные коробки, мои же вещи были свалены в кучу, а после запиханы в мешки из-под грязного белья. Его машина (между прочим, с салоном, отделанным под дерево) была древней, но безукоризненно чистой. И пахло в ней так же, как пахло от Алекса, – кедровым деревом и немножко мускусом.

– Мне кажется, ты похож на человека, которому нравится... ну, все контролировать, – объяснила я. – Так что не знаю, найдется ли у меня музыка, которая тебе придется по вкусу. Шопена у меня в плеере нет.

Складка между бровями Алекса стала еще глубже.

– Может, я не настолько чопорный, насколько ты считаешь.

– Да ну? Значит, ты не возражаешь, если я включу «На Рождество я хочу только тебя»

Мэрайи Кэри?

– Сейчас май, – ответил он.

– Буду считать это ответом на свой вопрос.

– Это нечестно. Какой варвар будет слушать рождественскую музыку в мае?

– А если бы сейчас было десятое ноября, – спросила я, – это было бы более подходящим или менее подходящим временем?

Алекс плотно сжал губы и взерошил свои и без того растрепанные волосы. Они так и остались стоять вертикально вверх даже после того, как он опустил руки на руль – всему виной, я полагаю, статическое электричество. Еще я заметила, что Алекс истово читил все гласные и негласные правила вождения – включая строгую позицию рук на руле, которую он не менял на

протяжении всего этого времени. И хоть большую часть времени он ужасно сутулился, сейчас он сидел неестественно прямо.

– Ладно, – сказал он. – Мне не нравится рождественская музыка. Просто не включай ее, и все будет в порядке.

Я воткнула в телефон провод, включила колонки и нашла в плеере «Молодых американцев» Дэвида Боуи. И нескольких секунд не прошло, как лицо Алекса скривилось в гримасе.

– Что? – спросила я.

– Ничего, – твердо сказал он.

– Ты сейчас дернулся. Как будто тот, кто контролирует тебя, вдруг уснул.

Он с недоумением сощурился на меня.

– Что это вообще значит?

– Тебе не нравится песня, – обвинительным тоном заключила я.

– Неправда, – неуверенно соврал Алекс.

– Ты ненавидишь Дэвида Боуи.

– Вообще нет! Дэвид Боуи тут ни при чем.

– Тогда в чем дело? – требовательно спросила я.

Алекс с шипением вздохнул.

– Саксофон.

– Саксофон, – повторила я.

– Ага. Мне... Я ненавижу звук саксофона. Если в песне есть саксофон – все, тут уже ничем не поможешь.

– Нужно предупредить Кенни Джи.

– Назови хоть одну песню, которую саксофон сделал лучше, – предложил Алекс.

– погоди, мне нужно свериться с блокнотом, где я записываю все песни, в которых наличествует саксофон.

– Ни одной, – провозгласил Алекс.

– Уверена, на вечеринках с тобой очень весело.

– Нормально со мной на вечеринках.

– Вот только на концерты подростковых групп с тобой лучше не ходить.

Он бросил на меня косой взгляд.

– Ты действительно такая поборница саксофонов?

– Нет, но мне нравится ее изображать. Ты ведь еще не закончил? Что еще ты ненавидишь?

– Ничего, – ответил он. – Только рождественские песни и саксофоны. И каверы.

– Ковры? – не поняла я. – Это которые на полу лежат?

– Каверы песен, – терпеливо объяснил Алекс, и я расхохоталась.

– Ты ненавидишь каверы песен?

– Категорически не переносу, – подтвердил он.

– Алекс. Это все равно что сказать «я ненавижу овощи». Слишком расплывчато. Это полная бессмыслица.

– Вообще нет, – настаивал он. – Смотри – если это хороший кавер, который придерживается оригинальной аранжировки песни, то, типа, зачем? А если это плохой кавер, который вообще ничем не похож на оригинал, – то, типа, какого вообще черта?

– О господи, – выдохнула я. – Да ты прямо как ворчливый старик.

Алекс нахмурился еще сильнее.

– А тебе, значит, все на свете нравится?

– По большей части, – согласилась я. – Да, я склонна любить окружающий мир.

– У меня тоже есть вещи, которые мне нравятся.

– Например? Модельки поездов и биография Авраама Линкольна? – предположила я.

– Меня определенно не привлекает ни то, ни другое. А что, ты ненавидишь поезда и Линкольна?

– Я же сказала. Мне почти все нравится. Меня очень легко порадовать.

– То есть?

– То есть... – Я недолго раздумывала над вопросом. – Вот например – когда я была маленькая, мы с Паркером и Принсом – это мои братья – садились на велосипеды и ехали в кинотеатр, даже не проверив, что сегодня будут показывать.

– Твоего брата зовут *Принс*? – спросил Алекс, подняв брови.

– Смысл истории был не в этом.

– Это его прозвище?

– Нет, – ответила я. – Он был назван в честь Принса. Моя мама – большой фанат «Пурпурного дождя».

– А в честь кого назван Паркер?

– Никого. Им просто нравится это имя. Но повторяю, ты упустил главный смысл.

– Все ваши имена начинаются с буквы «П», – продолжал мысль Алекс. – А как зовут твоих родителей?

– Ванда и Джимми, – ответила я.

– Значит, их зовут не на букву «П», – заключил Алекс.

– Нет, их зовут не на букву «П», – подтвердила я. – Просто одного ребенка они назвали Принсом, а другого – Паркером, а потом, полагаю, решили не отступать от тематики. И я снова говорю – ты упустил весь смысл!

– Прости. Продолжай, пожалуйста.

– Так вот, мы приезжали в кино, покупали билеты на ближайший сеанс и все шли смотреть какой-нибудь свой фильм.

Алекс снова нахмурился.

– Это еще зачем?

– Это тоже не главная суть истории.

– Ну а я не собираюсь оставаться в неизвестности, зачем ты смотрела фильм, который тебе даже не был интересен, да еще и в одиночку.

Я выдохнула.

– Это была такая игра.

– Игра?

– Прыжок через акулу, – торопливо объяснила я. – По факту это была обычная игра «Две правды и одна ложь», только мы описывали сюжет фильма. И если в фильме присутствовал так называемый «прыжок через акулу» – это когда сюжет принимает абсолютно неправдоподобный, смехотворный поворот, – то ты должен был в точности его описать. Но если в фильме такого нет, то ты должен был его выдумать. Потом мы угадывали, реальный ли это был сюжет или выдуманный, и если рассказчик выдумал сюжет, и ты об этом догадался, то ты получал пять баксов.

Вообще это была фишка моих братьев. Меня они просто брали за компанию.

Алекс молча смотрел на меня, и мои щеки покраснели. Я не знала, зачем я вообще рассказала ему об этой игре. Это вроде как семейная традиция Райтов, и я обычно не рассказывала о ней другим людям, чтобы избежать неловких вопросов. Наверное, для меня это не являлось чем-то личным, так что меня не слишком беспокоила перспектива того, что Алекс Нильсен будет тупо смотреть на меня немигающим взглядом или вовсе скажет, что любимая игра моих братьев – безнадежно идиотская затея.

– В общем, – продолжила я. – Смысл не в этом. Смысл вот в чем: я в этой игре была ужасающе плоха, потому что мне обычно все нравится. Если в фильме показывают, как шпион

в идеально подогнанном костюме балансирует на двух несущихся по морю катерах, попутно отстреливаясь от злодеев, – я с удовольствием на это посмотрю.

Еще какое-то время Алекс кидал взгляд то на меня, то на дорогу впереди.

– Кинокомплекс Линфилд? – наконец, спросил он. Я никак не могла определить его выражение лица: то ли он был потрясен, то ли испытывал отвращение.

– Ого, – произнесла я, – а ты реально не поспеваешь за ходом истории. Да. Кинокомплекс Линфилд.

– Это тот, где залы постоянно оказываются мистическим образом затоплены? – в ужасе продолжил он. – Когда я был там в последний раз, я и до половины прохода не дошел, как услышал плеск.

– Зато он дешевый, – указала я. – И у меня есть резиновые сапоги.

– Мы ведь даже не знаем, что именно это за жидкость, Поппи, – сказал Алекс, морщась. – Ты могла подхватить какую-нибудь заразу.

Я раскинула руки в стороны.

– Ну, выгляжу я живой и здоровой, верно?

Алекс скорбно нахмурился.

– Что еще?

– Что еще?..

– ...тебе нравится? – закончил он. – Помимо того, как смотреть случайные фильмы, в одиночестве сидя в затопленном кинозале.

– Ты мне что, не веришь?

– Вовсе нет, – ответил он. – Я просто восхищен. Одержим научным любопытством.

– Ладно. Дай подумать. – Я выглянула в окно. Мы как раз проезжали ресторанчик «П. Ф. Чанг». – Китайские рестораны! Обожаю, какие там все свойские. И то, что они везде абсолютно одинаковые, и то, что в большинстве из них всегда полные корзиночки с хлебом, и... О! – воскликнула я, прерывая саму себя. Я наконец-то вспомнила, что я ненавижу. – Бег! Я ненавижу бегать. В старшей школе я получила тройку в аттестат по физкультуре, потому что слишком часто «забывала» свою спортивную форму дома.

Уголок губ Алекса слегка изогнулся, и мои щеки обожгло жаром.

– Ну давай, вперед. Издевайся надо мной за то, что я получила тройку по физкультуре. Я же вижу, что ты изнемогаешь от желания.

– Дело не в этом, – ответил он.

– А в чем тогда?

Его слабая улыбка стала на миллиметр шире.

– Просто забавно. Я обожаю бегать.

– Серьезно? – взвыла я. – Ты ненавидишь саму концепцию каверов на песни, но обожаешь чувствовать, как твои ноги колотят по асфальту, все кости в теле дребезжат, сердце грохочет как безумное, а легкие горят огнем?

– Если тебя это утешит, – тихо сказал он, все еще слегка улыбаясь самым уголком рта, – еще я ненавижу, что в английском языке про корабли говорят «она».

Я даже рассмеялась от неожиданности.

– А знаешь что, – сказала я, – думаю, я тоже это ненавижу.

– Значит, мы договорились.

Я кивнула.

– Договорились. С этого момента феминизация кораблей отменяется.

– Рад, что мы уладили этот вопрос.

– Да, прямо камень с души упал. От чего еще нам стоит избавиться?

– Парочка идей у меня есть, – сказал Алекс. – Но сначала расскажи, что тебе еще нравится.

– Зачем? Ты меня что, исследуешь? – пошутила я. Уши у него заалели.

– Меня приводит в восторг встреча с человеком, который на регулярной основе пробирается через канализационные воды, только чтобы посмотреть абсолютно неизвестный фильм. Можешь меня за это засудить.

Следующие два часа мы обсуждали, что нам нравится, а что не нравится, и делали мы это самоотверженно, словно детишки, обменивающиеся коллекционными карточками. Все это время на заднем фоне играл мой плейлист, и если там и попадались тяжелые для переваривания песни с саксофоном, никто из нас этого не заметил.

Я рассказала, что люблю смотреть видео, где зверюшки разных видов дружат друг с другом.

Он рассказал, что ненавидит шлепанцы и проявления чувств в публичном месте. «Ноги – это личное», – настаивал он. Я же сказала, что ему срочно нужно обратиться за психологической помощью, но все это время хохотала в голос. Алекс продолжал делиться своими весьма специфическими вкусами, вызывая все новые взрывы смеха, и все это время в уголке его губ пряталась улыбка.

Словно он и сам знал, что до нелепого смешон.

Словно он совсем не возражал, что я очарована его странностями.

Я призналась, что ненавижу Линфилд и цвет хаки. Почему бы и нет? Мы оба прекрасно понимали: мы два человека, которым абсолютно нечем заняться, и мы вынуждены провести это время вместе, втиснутые в крошечную машину. Мы знали, что мы абсолютно несовместимы на фундаментальном уровне, и у нас не было ни единой причины пытаться произвести друг на друга впечатление.

Так что я без проблем сообщила:

– Человек в штанах цвета хаки выглядит так, словно у него вообще нет штанов. И личности тоже.

– Они прочные, ноские и хорошо со всем сочетаются, – начал спорить Алекс.

– Понимаешь, с некоторой одеждой дело обстоит так: смысл не в том, можно ли это носить, смысл в том, нужно ли это носить.

Алекс только махнул рукой, и обсуждение штанов было окончено.

– А что насчет Линфилда? – сказал он. – Что с ним не так? По-моему, для детей это просто отличное место.

Вопрос для меня был сложный, и отвечать мне на него не хотелось – даже человеку, с которым я навсегда расстанусь через несколько часов.

– Линфилд – это хаки среди городов Среднего Запада, – сформулировала я.

– Комфортный, – сказал он. – Прочный.

– И голый ниже пояса.

Алекс рассказал, что ненавидит тематические вечеринки, кожаные браслеты и ботинки с квадратными носами. И когда ты приходишь куда-нибудь, а твой друг или там дядюшка шутят на тему того, что «О боже мой! Да сюда любой сброд пускают!». И когда официанты называют его «приятель», или «босс», или «шеф». И мужчин, которые идут так, будто только что спрыгнули с лошади. И жилетки – вообще на ком угодно и в любом виде. И тот момент, когда компания делает групповые снимки, и тут кто-нибудь говорит: «А может, нам сделать какую-нибудь смешную фотку?»

– Я люблю тематические вечеринки, – сообщила я.

– Ну разумеется, – ответил он. – Ты в этом хороша.

Я сузила глаза и задрала ноги на приборную доску. Правда, тут же их спустила, когда заметила, что у рта Алекса залегла нервическая складка.

– Алекс, ты за мной следишь? – спросила я. Он одарил меня взглядом, преисполненным ужаса.

– Ты что такое говоришь?

Непередаваемое выражение его лица заставило меня снова захихикать.

– Расслабься, я шучу. Просто откуда тебе знать, что я хороша в тематических вечеринках? Я видела тебя только на одной, и она была совсем не тематической.

– Я не об этом. Ты просто... Вроде как всегда в каком-нибудь костюме, – и он поспешил добавить: – Я не в плохом смысле. Ты просто всегда одеваешься так...

– Сногшибательно? – подсказала я.

– Смело, – закончил он.

– Какой удивительно неоднозначный комплимент.

Он вздохнул.

– Ты специально каждый раз неправильно меня понимаешь?

– Нет, – ответила я. – Думаю, для нас это вполне естественное положение вещей.

– Я имел в виду вот что: мне кажется, что для тебя тематическая вечеринка – это просто обычный вторник. А для меня это значит, что я буду два часа стоять перед шкафом, пытаюсь понять, как мне собрать костюм мертвой кинозвезды из десяти одинаковых рубашек и пяти одинаковых брюк.

– Ты мог бы попробовать не покупать одежду оптом, – предложила я. – Или просто надеть свои штаны цвета хаки и всем говорить, что ты эксгибиционист.

На лице Алекса отразилась гримаса отвращения, но в остальном он мой комментарий полностью проигнорировал.

– Я ненавижу решать, какую одежду купить, – сказал он, жестикулируя в воздух одной рукой. – А если я пытаюсь купить костюм, то все становится еще хуже. Торговые центры буквально вызывают у меня оторопь. Там просто... Столько всего. Я даже не знаю, как мне выбрать подходящий магазин, не то что вешалку с костюмами. Я всегда покупаю одежду через интернет, и если мне что-то понравилось, я тут же заказываю минимум штук пять.

– Ну, если тебя когда-нибудь пригласят на тематическую вечеринку, куда ты сможешь пойти, потому что тебе пообещают отсутствие шлепанцев, КПК и саксофонов, – сказала я, – я с удовольствием свожу тебя по магазинам.

– Ты серьезно? – Он даже на дорогу смотреть бросил. Я вдруг заметила, что день превратился в вечер и на улице уже темно. Из динамиков лился скорбный голос Джони Митчелл, выводящей «Опьянена тобой».

– Ну разумеется, я серьезно, – ответила я. Может, у нас и было ровным счетом ноль общего, но мне вдруг начало нравиться наше знакомство. Весь этот год я чувствовала, что должна вести себя наилучшим образом, словно я была на собеседовании, которое определит – получу ли я новых друзей, новую жизнь, признание, наконец.

Но сейчас, как ни странно, я ничего такого не ощущала. Да и к тому же я люблю ходить по магазинам.

– Было бы здорово, – продолжила я. – Ты был бы моим живым Кеном. Ну, знаешь, муж Барби. – Я подалась вперед, чтобы прибавить звука у колонок. – К слову о вещах, которые мне нравятся, – обожаю эту песню.

– Я ее пою в караоке, – сообщил Алекс.

Я разразилась хохотом, но по его огорченному лицу быстро поняла, что он не шутит, что сделало ситуацию только веселее.

– Я не над тобой смеюсь, – быстро выдавила я. – По-моему, это очаровательно.

– Очаровательно? – с непонятым выражением лица переспросил Алекс.

Я не могла понять, смутился он или обиделся.

– Я имею в виду... – Я замолчала и принялась открывать окно, чтобы впустить в машину немного свежего воздуха. Затем я отлепила от мокрой шеи волосы и свернула их в узел, под-

ложив под голову. – Ты просто... – Я попыталась подобрать подходящие слова. – Наверное, ты не такой, как я о тебе думала.

Алекс мрачно нахмурился:

– И что ты обо мне думала?

– Не знаю, – ответила я. – Что ты просто какой-то парень из Линфилда.

– Я действительно какой-то парень из Линфилда, – подтвердил он.

– Какой-то парень из Линфилда, который поет в караоке «Опьянена тобой», – поправила его я, а затем снова зашла в приступе хохота.

Алекс едва заметно улыбнулся и покачал головой.

– А ты, значит, какая-то девушка из Линфилда, которая поет в караоке... – Он секунду раздумывал. – «Королева танцев»?

– Время покажет, – ответила я. – Я никогда не была в караоке.

– Серьезно? – Он обернулся на меня с искренним изумлением, написанным на лице.

– Разве в большинство караоке-баров не пускают только с двадцати одного года?

– Не все бары работают по лицензии, – сказал он. – Нам обязательно нужно сходить.

Когда-нибудь летом.

– Ладно, – ответила я. То, как быстро я согласилась, удивило меня не меньше, чем его неожиданное приглашение. – Должно быть весело.

– Ладно, – сказал он. – Классно.

Итак, теперь у нас было запланировано уже два совместных похода.

Наверное, это делает нас друзьями? Ну, вроде как.

Сзади нас нагоняла машина, прижимаясь все ближе. Алекс невозмутимо включил поворотник и перестроился на другую полосу шоссе. Каждый раз, когда я бросала взгляд на спидометр, то видела, что он ведет машину с ровно допустимой скоростью – не больше и не меньше. Изменять своей привычке из-за одного спешащего водителя он явно не собирался.

Пожалуй, я с самого начала могла бы догадаться, каким осторожным водителем будет Алекс. С другой стороны, как я уже сегодня выяснила, когда ты строишь догадки о людях, иногда ты оказываешься в корне не права.

Постепенно липкие, испещренные огнями остатки Чикаго остались позади, и теперь по обе стороны от нас цвели обширные поля Индианы. Мой плейлист без всякого видимого смысла переключался с Бейонсе на Нейла Янга, а оттуда – на Шерил Кроу и ЛСД Саундсистем.

– А тебе и правда все нравится, – поддразнил меня Алекс.

– За исключением бега, Линфилда и хаки, – согласилась я.

Его окно было закрыто, а мое открыто. В темноте мы летели через плоскую равнину, трясаясь на неровной дороге, мои волосы развевал ветер, за громким свистом которого я почти не слышала, как Алекс фальшиво подпевает песне «Одного тебя» группы «Херт». Но вот он добрался до припева, и дальше мы уже поем вместе, срываясь на абсолютно кошмарный фальцет, руки возбужденно взмывают в воздух, словно дирижируя невидимым ансамблем, лица искажены, а старенькие динамики машины натужно жужжат.

В тот момент он был таким драматичным, таким пылким, таким абсурдно-нелепым, что казался совершенно другим человеком, а не тем кротким парнишкой, которого я встретила на вечеринке в честь начала ознакомительной недели.

Может быть, подумала я, Тихий Алекс – это что-то вроде пальто, которое он надевает перед тем, как выйти на улицу.

Может, на самом деле под ним прячется Алекс Обнаженный.

Ладно, над этим именем нужно хорошенько подумать. Смысл был в том, что этот Алекс начинал мне нравиться.

– А что насчет путешествий? – спросила я, улучшив момент между песнями.

– А что с ними? – спросил он.

– Любишь или ненавидишь?

Он раздумывал над ответом, сжав губы в тонкую линию.

– Сложно сказать, – наконец ответил он. – Я нигде особенно-то и не был. Много о чем читал, но своими глазами ничего из этого не видел.

– И я, – сказала я. – Пока еще нигде не была.

Он подумал еще немного.

– Люблю, – сказал он. – Наверное, все-таки люблю.

– Да, – кивнула я. – И я.

Глава 6

Этим летом

На следующее утро я отправилась напрямик в кабинет Свапны, и несмотря на то, что с Алексом мы переписывались до поздней ночи, чувствовала я себя странно взвинченной. По дороге я купила ей американо со льдом и теперь со стуком поставила стаканчик на стол. Свапна, корпевшая над макетом предстоящего осеннего выпуска, вздрогнула и подняла на меня взгляд.

– Палм-Спрингс, – объявила я.

Выражение изумления на ее лице сменилось легкой улыбкой, тронувшей уголки острых губ. Она выпрямилась на стуле и сложила на груди идеально загорелые руки, прекрасно сочетающиеся с пошитым по фигуре черным платьем. Огромное обручальное кольцо поймало свет лампы, и ярко-красный рубин вспыхнул огнем.

– Палм-Спрингс, – повторила она. – Хорош для любого сезона. – Она подумала немного и взмахнула рукой. – Разумеется, это настоящая пустыня, но в континентальных штатах сложно найти более спокойное место для отдыха. А мы все-таки называемся «П + О».

– Именно! – воскликнула я, делая вид, что с самого начала именно это и имела в виду. На самом деле мой выбор не имел никакого отношения к журналу, но имел самое прямое отношение к Дэвиду Нильсену, младшему брату Алекса, который собирался на следующей неделе обручиться с любовью всей своей жизни.

В Калифорнии, а именно – в Палм-Спрингс.

Это была помеха, которой я никак не ожидала: Алекс уже успел запланировать поездку на следующую неделю – побывать на свадьбе у своего брата. Когда он об этом сказал, я была абсолютно раздавлена. Все же я ответила, мол, хорошо, я понимаю, попросила его поздравить Дэвида, отправила сообщение и отложила телефон в сторону, полагая, что беседа окончена.

Но я ошибалась и еще спустя два часа обмена сообщениями сделала глубокий вдох и попыталась протолкнуть идею о том, чтобы он немного растянул свою трехдневную поездку и провел несколько дней со мной. За счет «О + П», разумеется. И Алекс не просто согласился, но даже предложил мне заглянуть на свадьбу.

Так что все замечательно сходилась.

– Палм-Спрингс, – снова повторила Свапна. Глаза ее подернулись дымкой, пока она всецело рассматривала эту идею. Затем она вдруг очнулась от своего транса и потянулась к клавиатуре. С минуту она что-то печатала, затем рассеянно потерла подбородок, читая с экрана. – Разумеется, нам придется подождать до зимы. Летом туризм в Палм-Спрингс совсем не развит.

– Именно это и замечательно! – затараторила я, начав слегка паниковать. – В Спрингсе столько всего происходит летом, и народу там немного, и это дешевле. Почему бы мне не вернуться к корням? Знаете, мои статьи о том, как сделать поездку подешевле?

Свапна задумчиво пожевала губами:

– Наш бренд призван вызывать у потребителей жгучее желание. Читатель должен захотеть получить высококлассный отдых.

– И Палм-Спрингс – вершина их мечтаний! – заверила ее я. – И мы покажем это читателям. А потом объясним, как это получить.

Темные глаза Свапны зажглись, пока она обдумывала эту мысль, и в моей груди затеплилась надежда.

А затем она моргнула и отвернулась к экрану компьютера.

– Нет.

– Что? – машинально выговорила я. Мой мозг просто не мог должным образом обработать то, что только что произошло. Не может так быть, чтобы именно из-за моей работы все пошло не по плану.

Свапна издала сочувственный вздох и наклонилась ко мне, поставив локти на стеклянную поверхность стола.

– Послушай, Поппи, я ценю твою идею, просто это не подходит под формат журнала. Это смешение концепций.

– Смешение концепций, – механически повторила я. Ступор все еще не прошел, так что сформулировать какую-нибудь более внятную фразу я не смогла.

– Я думала об этом все выходные и решила, что ты отправишься на Санторини. – Она взглянула на макет журнала, разложенный на столе, и шестеренки в ее мозгу закрутились. Вмиг она превратилась из сочувствующей, но придерживающейся профессионализма Свапны в сосредоточенного гения-журналиста Свапну. Она уже все решила. Свапну в такие моменты окружало поле невероятной уверенности, и я поймала себя на том, что уже стою на ногах и собираюсь уходить. В мозгу, правда, все еще вертелись бесконечные «Но ведь!», снова и снова.

Но ведь это наш шанс все исправить.

Но ведь я не могу так быстро сдаться.

Но ведь это то, чего я хочу.

Мне совсем не нужны роскошные, выбеленные ветром улочки Санторини и сияющее море до самого горизонта.

Мне нужен Алекс, нужна пустыня в мертвый летний сезон. Нужно шататься по улочкам, заходя в любое приглянувшееся место, даже не проверяя отзывы на Трипадвайзере. Нужны дни, полные незапланированных событий, нужно оставаться на ногах допоздна, нужно часами сидеть в пыльных книжных магазинчиках, мимо которых Алекс просто не мог пройти, нужно заходить в антикварные магазинчики, заваленные бархлам и полные бацилл, и Алекс будет стоять у входа, напряженный, но терпеливый, и ждать, пока я закончу мерить шляпы, принадлежащие давно мертвым людям. Вот чего я хочу.

Я стояла у двери в кабинет с колотящимся сердцем, пока Свапна не подняла голову от макета. Ее брови вопросительно взметнулись ввысь, как бы вопрошая: «Ну что еще, Поппи?»

– Отдайте Санторини Гаррету, – сказала я.

Свапна растерянно на меня заморгала.

– Мне нужен перерыв, – выпалила я. – Отпуск – настоящий отпуск.

Губы Свапны сжались в тонкую линию. Она явно была озадачена, но не собиралась на меня давить, выпытывая подробности, – что было просто замечательно, потому что я понятия не имела, как все это ей объяснить.

Она просто кивнула:

– Тогда отправь мне даты.

Я развернулась и направилась к своему столу, чувствуя себя спокойнее, чем за все последние месяцы. Вот только когда я опустила на стул, до меня наконец-то дошла реальность, в которой я оказалась.

Обычная поездка по стандартам «О + П», и за их счет, – это совсем не то же самое, что поездка, которую могу себе позволить я на свои собственные деньги. А Алекс так вообще учитель в старшей школе, и к его докторской степени прилагается сопутствующий кредит на обучение. Он абсолютно точно не сможет разделить со мной расходы. Я вообще сомневалась, что он согласился бы со мной поехать, зная, что платить за все мне придется самостоятельно.

Но, может, это и к лучшему. В те времена, когда нам приходилось считать каждый цент, мы получали от путешествий несравненное удовольствие. Все пошло под откос только с появлением в моей жизни «О + П». У меня все получится: я смогу спланировать идеальное путешествие, раньше ведь получалось. И Алекс вспомнит, как замечательно все было.

Я достала из кармана телефон и некоторое время раздумывала над подходящим сообщением.

«Я тут подумала: а давай в нашей поездке все будет по-старому. Чтоб до ужаса дешево, никаких профессиональных фотографов, никаких пятизвездочных ресторанов. Просто посмотрим на Палм-Спрингс с точки зрения нищего академика и интернет-журналистки».

Через несколько секунд пришел ответ:

«А журнал не против отсутствия фотографа?»

Я машинально закрутила головой, словно на плечах у меня сидели по чертенку и ангелочку, которые по очереди тянули меня за уши. Я не хотела врать Алексу.

Но журнал и правда не против. Я беру неделю отгула, так что я свободна.

«Ага, – написала я. – Если ты за, то все уже улажено».

«Конечно, – ответил он. – Звучит отлично».

Звучало и правда отлично. И будет отлично. Я сделаю все на высшем уровне.

Глава 7

Этим летом

Как только шасси самолета коснулось взлетной полосы, четверо младенцев, коротавшие все шесть часов полета за невыносимыми воплями, немедленно заткнулись.

Я достала из сумочки телефон и отключила авиарежим, приготовившись к тому, что сейчас меня сметет волной входящих сообщений от Рейчел, Гаррета, мамы, Дэвида Нильсена и, наконец, Алекса.

Рейчел витиевато просила при первой же возможности сообщить ей, что мой самолет не разбился и его не засосало в Бермудский треугольник. Также она сказала, что одновременно молится за удачную посадку и уверена в благоприятном исходе.

«Долетела в целостности и сохранности и уже по тебе скучаю», – написала я и открыла сообщение от Гаррета.

«Спасибо тебе ОГРОМНОЕ за то, что не полетела на Санторини, – писал мне Гаррет. И следующим сообщением: – Но вообще... Довольно странное решение, ИМХО. Надеюсь, ты в порядке...»

«Я в полном порядке, – ответила я ему. – Просто в последний момент у меня нарисовалась свадьба, а Санторини был твоей идеей. Пришлешь мне побольше фоток, чтобы я могла как следует пожалеть о своих жизненных приоритетах?»

Затем я открыла сообщение от Дэвида.

«Я ТАК РАД, что ты приедешь вместе с Алом! Тэм тоже не терпит с тобой познакомиться. Мы тебя очень ждем!»

Из всех братьев Алекса Дэвид всегда был моим любимчиком. Правда, я до сих пор не была уверена, что он достаточно взрослый для того, чтобы вступать в брак.

Когда я сказала это Алексу, он написал мне следующее:

«Ему двадцать четыре. Не могу представить себе, чтобы я в таком возрасте согласился на брак, но все мои братья женились рано. Да и Тэм замечательный. Даже папа с этим согласен. Он прикрепил на заднее стекло автомобиля надпись «Я ГОРДЫЙ ХРИСТИАНИН, И Я ЛЮБЛЮ СВОЕГО СЫНА-ГЕЯ».

Я даже кофе от смеха поперхнулась, когда это прочитала. В этом был весь мистер Нильсен, да и с нашей с Алексом старой шуткой о том, что Дэвид – любимчик семьи, эта история сочеталась неплохо. Алексу не позволяли даже слушать любую музыку, кроме церковного хора, пока ему не стукнуло четырнадцать и он не пошел в старшую школу. Когда же он решил отправиться в светский университет, мистер Нильсен устроил настоящий траур.

Но на самом деле мистер Нильсен очень любил своих сыновей, и он всегда занимал их сторону в тех вопросах, которые напрямую касались их личного счастья.

«Если бы ты женился в двадцать четыре, тебе бы пришлось жениться на Саре», – написала я.

«А тебе – на Гиллермо», – ответил он.

Я в ответ просто отправила Алексу его же собственную фотку с Лицом Грустного Щеночка.

«Умоляю, скажи, что ты больше по нему не сохнешь», – попросил Алекс. Они с Гиллермо никогда не ладили.

«Конечно, нет, – написала я. – Но это не мы с Ги постоянно друг друга мучили и вечно то расставались, то снова сходились. Это ваша с Сарой фишка».

Алекс печатал, потом останавливался, потом снова начинал печатать, и длилось это так долго, что я начала задаваться вопросом, не специально ли он капает мне на нервы.

Но он так ничего мне и не ответил. Только на следующий день прислал картинку: фотография черного халата, на спине которого стразами было выложено: «ГЛАВНАЯ СУЧКА В СПА». Комментарий Алекса гласил:

«Форма для летнего путешествия?»

Совсем не похоже на разумный аргумент, который можно было бы применить в нашем споре. Таким образом с темы Сары мы соскочили, что дало мне понять – между ними творится какая-то ерунда. Опять.

И даже теперь, когда я сидела в тесном и душном самолете, вырливающим в сторону Лос-Анджелеса, и пыталась прийти в себя после детских криков, одна мысль об их с Сарой возобновившихся отношениях вызывала у меня легкую тошноту. Мы с ней никогда не были друг от друга в восторге. Я сомневалась, что, если они встречаются, она одобрила бы наш с Алексом совместный отпуск. А вот если они только собираются снова начать встречаться, тогда, вполне возможно, это наше последнее летнее путешествие.

Они поженятся, заведут детишек, начнут возить их в Диснейленд, и никогда мы с Сарой не станем достаточно хорошими подругами, чтобы мне позволили быть частью жизни Алекса.

Я засунула эту мысль куда подальше и принялась набирать сообщение Дэвиду:

«Я ТАК СЧАСТЛИВА И БЛАГОДАРНА ЗА ТО, ЧТО ВЫ МЕНЯ ПОЗВАЛИ!»

Он в ответ прислал мне гифку с танцующим медведем, и я перешла к диалогу с мамой.

«Обними и поцелуй за меня Алекса:!)», – написала она, привоисокупив в конце напечатанный смайлик. Ей так и не удалось научиться пользоваться эмодзи, а когда я пыталась ей объяснить, она выходила из себя. «Зачем, если я просто могу напечатать то, что мне нужно?» – каждый раз повторяла мама.

Мои родители никогда не были любителями перемен.

«Хочешь, я заодно его еще и за задницу ухвачу?» – поинтересовалась я.

«Если думаешь, что это поможет, – вперед, – незамедлительно ответила она. – Я уже устала ждать внуков».

Я только закатила глаза и закрыла диалог. Мама всегда восхищалась Алексом, и частично из-за того, что он вернулся в родной Линфилд. В глубине сердца мама лелеяла надежду, что в один прекрасный день мы внезапно осознаем, что все это время были влюблены в друг друга, после чего я тут же перееду в Огайо и немедленно начну рожать детей. Что касается моего отца, то он человек во всех отношениях заботливый и любящий, но крайне утрашающий. Алекс его всегда побаивался, и как только тот появлялся с ним в одной комнате, немедленно закрывался.

Папа – человек крупный и со звучным, как труба, голосом. Еще он, как и многие мужчины его возраста, человек крайне рукастый, а еще – имеет особенность задавать множество грубых вопросов, граничащих с невежливостью. Не то чтобы он надеется на какой-то определенный ответ, просто он очень любопытный и не очень отдает себе отчет в том, как он выглядит со стороны.

И, как и все члены семьи Райтер, он крайне плохо контролирует голос. Скажем, когда незнакомец вдруг слышит, как моя матушка орет: «А ты уже пробовал этот виноград? Он на вкус как сахарная вата! Просто пальчики оближешь! Дай-ка я тебе его помою... Ой, сначала нужно вымыть миску. О нет! Все тарелки в холодильнике – мы их как крышки для остатков ужина используем! Вот, держи прямо в руки!» – в общем, это уже может быть немного чересчур. Но потом в дело вступает мой отец и, нахмутив брови, громогласно произносит вопрос вроде: «А ты голосовал на прошлых выборах?» – и вот ты уже чувствуешь, что тебя запихнули на допрос к офицеру полиции, которому агент ФБР только что дал на лапу и попросил быть строже.

Первый раз Алекс появился на пороге моего дома в лето нашего настоящего знакомства – он пришел отвезти меня в караоке. Тогда я пыталась оградить его от родителей как могла – и для его спокойствия, и, что немаловажно, для моего.

К концу нашего путешествия из Чикаго в Линфилд я уже знала Алекса достаточно, чтобы понимать: для него войти в наш крохотный домишко, до предела набитый всякими безделушками, пыльными фоторамками и собачьей перхотью, – это как вегетарианцу оказаться на экскурсии по скотобойне.

Я не хотела, чтобы ему было неудобно, и так же горячо я не желала, чтобы он плохо отнесся к моей семье. Пусть мои родители странные, неаккуратные, шумные и невоспитанные – они были чудесными людьми, и я на собственном горьком опыте научилась, что, впервые придя в наш дом, замечают это немногие.

Так что я сказала Алексу, что встречу с ним у дороги, но, поскольку я не запретила ему строго-настрого приближаться к дому, Алекс – будучи Алексом Нильсеном – все равно позвонил во входную дверь. Воспитанный в духе хороших мальчиков прямиком из пятидесятих годов, он решительно был настроен представиться моим родителям, чтобы они «не волновались» из-за того, что их дочь уезжает в ночи с незнакомым молодым человеком.

Заслышав дверной звонок, я со всех ног побежала к эпицентру разгорающегося хаоса. К сожалению, я уже успела обуться в свои винтажные туфли, украшенные розовыми перьями, а в них я ковыляла недостаточно быстро. К тому времени, как я спустилась с лестницы, Алекс уже стоял посреди коридора, что значило: по бокам от него возвышались шаткие колонны, сложенные из коробок со всякой ненужной всячиной; вокруг прыгали наши собаки – две очень старые и очень плохо воспитанные хаски; а множество развешанных по стенам семейных фотографий пялились на него немигающим взглядом.

В тот самый момент, как я стремительно обогнула лестницу и уже мчалась по коридору, раздался трубный глас моего папы.

– С чего ты вообще решил, что мы будем волноваться из-за того, что вы идете куда-то вместе посидеть? – спросил он. – Хм. А когда ты сказал, что вы идете куда-то вместе посидеть, ты, случайно, не имел в виду, что вы...

– Нет! – встряла я, оттаскивая за ошейник самого похотливого нашего пса, Руперта, пока он не успел оседлать ногу Алекса. – Ничего подобного. Точно не в этом смысле. И тебе точно не нужно ни о чем волноваться. Алекс очень медленно водит машину.

– Я это и пытался сказать, – промямлил Алекс. – Про скорость. Я вожу, соблюдая скоростное движение. Я просто хотел сказать, что вам не о чем беспокоиться.

Папа нахмурился, и лицо Алекса побелело как мел. Не знаю, что тогда испугало его больше – мой отец или слой пыли, густо покрывающий все плитусы в коридоре. Что интересно, до этого самого момента я ни разу не обращала на это никакого внимания.

– Пап, ты видел машину Алекса? – быстро проговорила я, пытаясь его отвлечь. – Она жутко старая. И телефон у него тоже старый. Алекс им пользуется, наверное, лет семь уже.

Его лицо быстро сменило цвет с пепельно-белого на красный, но для отца моя маленькая ложь сработала отлично: теперь он смотрел на Алекса с выражением заинтересованности и легкого одобрения.

– Правда? – спросил он.

Даже спустя столько лет я помню, как Алекс перевел взгляд на меня, пытаясь получить хоть какую-то подсказку, что ему следует делать дальше. Я едва заметно кивнула.

– Да? – ответил он. Папа обрадованно сжал его плечо, да с такой силой, что Алекс болезненно поморщился.

– Всегда лучше починить, чем купить новое! – радостно возвестил папа, улыбаясь во все зубы.

– Что купить? – закричала из кухни мама. – Что-то сломалось? С кем ты говоришь? Поппи? Кто-нибудь хочет шоколадных крендельков? Сейчас, только найду чистую тарелку...

Прощание растянулось на двадцать минут – минимальное количество времени, которое требуется для того, чтобы покинуть наш дом, но в конце концов мы смогли вырваться на свободу.

– Твои родители, кажется, милые, – только и сказал Алекс, пока мы шли до машины.

– Еще бы, – ответила я чуть более агрессивно, чем стоило бы. Я словно подначивала его: давай-давай, скажи все, что ты думаешь о метровом слое пыли, и о напрыгивающих на тебя хаски, и о двух миллиардах детских рисунков, висящих по всей кухне, и о всех остальных жутких вещах, которыми славен наш дом. Алекс, конечно, ничего не сказал. В конце концов, он был Алексом – хотя тогда я еще и не понимала, что это значит.

За все те годы, что я с ним знакома, он ни разу не сказал ни о ком дурного слова. А когда Руперт умер, Алекс даже отправил букет цветов в мою общажную комнату. В сопроводительной открытке значилось: «После всего, что между нами было, я чувствовал с Рупертом особенную связь, – пошутил он тогда. – Нам будет его не хватать. И если тебе что-нибудь нужно, Поп, то я здесь. Всегда».

Не то чтобы, конечно, я запомнила этот текст наизусть.

И не то чтобы, конечно, я до сих пор храню эту открытку в обувной коробке, полной самых важных для меня открыток и бумажных писем.

И когда в нашей с Алексом дружбе настал вынужденный перерыв, я совершенно точно не мучила себя мыслью, что эту открытку стоит выбросить, потому что, как оказалось, «всегда» рано или поздно подходит к концу.

В это мгновение снова начал вопить младенец, выдергивая меня из мыслей. К счастью, мы уже почти прибыли на место, так что скоро это все закончится, подумала я.

А потом я увижу Алекса.

По моему позвоночнику пробежала дрожь, и желудок снова болезненно сжался.

Я открыла последнее непрочитанное сообщение в моем списке входящих – то, которое прислал Алекс.

«Только что приземлились», – написал он.

«Я тоже», – ответила я.

А что сказать еще, я не знала. Мы переписывались уже больше недели, ни разу так и не заговорив о той богами проклятой поездке в Хорватию, и в конце концов мне даже начало казаться, что все нормально. А теперь я вспомнила – я не видела Алекса вживую уже больше двух лет.

Я не дотрагивалась до него, не слышала его голоса. Не разговаривала с ним. Нам обоим наверняка будет очень неловко, в этом я была почти уверена.

И я, конечно, невероятно рада, что скоро с ним увижусь – но сейчас я поняла, что эта мысль также приводит меня в ужас.

Нужно выбрать, где мы встретимся. Кому-то нужно предложить место. Я попыталась вспомнить планировку местного аэропорта, покопавшись в туманных воспоминаниях, – все эти переплетения эскалаторов и дорожек, которых за четыре с половиной года работы в «О + П» я перевидала великое множество.

Если предложить ему встретиться у пункта выдачи багажа, то значит ли это, что мы, как полные идиоты, будем долго-долго идти навстречу друг другу, пока наконец не окажемся достаточно близко, чтобы заговорить? А потом что? Мне нужно его обнять?

В отличие от Райтов, Нильсены не слишком-то любят обниматься. Это наша семья славится тем, что нам обязательно нужно схватить любого человека, или взять его под локоть, или шлепнуть по плечу, или стукнуть, или как следует стиснуть в объятиях, или пихнуть – в общем, подкрепить слова действием. Трогать других людей – это мое естественное состояние. Однажды я машинально обняла на прощание сантехника. Он любезно сообщил мне, что женат, а я в ответ немедленно его поздравила.

Когда мы с Алексом еще были близкими друзьями, то обнимались постоянно. Но это было тогда, давно. Когда ему было со мной комфортно.

Я стащила с верхней полки чемодан на колесиках и поставила его прямо перед собой. Несмотря на тонкий свитер, подмышки были уже мокрыми от пота, потной была и шея. Волосы я завязала в хвост и убрала повыше, но это совсем не помогло.

И все же полет, занявший, казалось, целую вечность, наконец закончился.

Это странно – пока мы летели, я постоянно смотрела на часы, и каждый раз оказывалось, что прошла всего минута или две, хотя по ощущениям – целый час. А теперь время словно решило отыграться за то, как медленно оно тянулось, пока я ютилась в своем слишком маленьком кресле экономкласса, трясясь на воздушных ямах, – теперь минуты пролетают слишком быстро, так быстро, что я даже не успеваю собраться с мыслями.

В глотке совсем пересохло, а голова невыносимо ныла. Я вышла из самолета, спустилась по рукаву в аэропорт, отступила в сторонку, чтобы не стоять на дороге у других людей, и потянулась в карман за телефоном. Мокрыми от волнения руками начала печатать:

«Встречаемся у пункта выдачи...»

– Привет.

Я стремительно обернулась на голос.

Алекс улыбался. Веки у него были как всегда сонно прикрыты, с плеча свисала сумка с ноутбуком, а на шее висели наушники. Волосы его были в полнейшем беспорядке – в отличие от отутюженных, без складочки темно-серых брюк, застегнутой на все пуговички рубашки и идеально чистых кожаных ботинок.

Алекс сделал навстречу мне последний шаг, уронил на пол сумку и заключил меня в объятия.

Это было так абсолютно естественно – привстать на цыпочки, обхватить его талию руками, уткнуться лицом ему в грудь, вдохнуть его запах. Кедр, мускус, лайм. Алекс Нильсен – настоящий раб своих привычек.

Та же невероятная прическа, тот же чистый, теплый аромат, тот же гардероб (разве что со временем его одежда стала выглядеть немного качественнее, чем во времена студенчества). И он точно так же, как и всегда, сцепил свои руки у меня за спиной и притянул в объятия, чуть не оторвав от пола; и точно так же, как и всегда, объятия Алекса крепкие, но аккуратные. Не такие, от которых кости трещат.

Сейчас мы словно скульптура, приходит мне в голову. Нежное давление со всех сторон, которое превращает нас в единое живое существо – только с двумя бьющимися сердцами.

– Привет, – проговорила я ему в грудь. Руки Алекса медленно опускались к моей поянице, сжимаясь все крепче.

– Привет.

Я надеялась, что он услышал улыбку в моем голосе, потому что я точно услышала улыбку в голосе Алекса. И несмотря на то, что он ненавидит публичную демонстрацию собственных чувств, в этот раз никто из нас не пытался как можно быстрее отдалиться. Думаю, Алекс думал то же самое, что и я: это нормально – обниматься неприлично долго, если ты не делал этого уже два года.

Я крепко зажмурила глаза, борясь с подступающими эмоциями, и еще сильнее прижалась лбом к его груди, Алекс же опустил руки мне на талию и сжал ладони.

– Как долетела? – спросил он, и я подалась назад – ровно настолько, чтобы видеть его лицо.

– Судя по всему, летела я с будущими великими оперными певцами. А ты?

На секунду Алекс потерял контроль над своими мимическими мышцами, и его губы растянулись в улыбке.

– По-моему, я чуть не довел до инфаркта женщину, сидящую рядом. Я случайно схватил ее за руку, когда началась турбулентность.

Я не смогла сдержать смех, и Алекс улыбнулся еще шире, крепче прижимая меня к себе.

Алекс Обнаженный, мелькнуло у меня в голове. Я побыстрее постаралась отбросить эту мысль. Давно уже следовало дать этой части его личности какое-нибудь вменяемое имя.

Алекс, казалось, прочитал мои порочные мысли. Улыбка его медленно увяла, он разжал руки и отступил назад, на приличествующее расстояние.

– Тебе нужно забрать багаж? – спросил он, поднимая с пола свою сумку и хватая за ручку мой чемодан.

– Я и сама могу понести, – сказала я.

– Мне несложно, – ответил он.

Так что я последовала вслед за Алексом через толпу, не в состоянии отвести от него взгляд. Благоговейный трепет охватывал меня при мысли о том, что он здесь. Что он точно такой же, как и всегда. Что я вижу его вживую.

Алекс бросил на меня взгляд из-за плеча, и уголок его рта дернулся. Меня всегда восхищало, что лицо Алекса способно отобразить сразу две совершенно противоречивые эмоции, и я гордилась тем, как ловко научилась их разбирать.

Прямо сейчас изгиб его рта говорил о том, что он одновременно *доволен* и *смутно насторожен*.

– Что? – спросил он с интонацией, в точности передающей эти две эмоции.

– Ты просто... Такой высокий, – смущенно ответила я.

И еще отлично сложен. Но этого я обычно не говорю, потому что комплименты Алекса всегда смущали. Словно иметь накачанное тело – это что-то достойное порицания. Может, для него оно так и было: в семье Алекса тщеславие всегда было чем-то, чего следует всеми силами избегать. А вот моя мама часто писала на зеркале в моей ванной маленькие записки: «Доброе утро, прекрасная улыбка. Привет, сильные руки и ноги. Хорошего тебе дня, чудесный животик, который кормит мою дорогую дочурку». Я до сих пор иногда слышу ее голос, когда выхожу из душа и встаю перед зеркалом, чтобы причесаться: «Доброе утро, прекрасная улыбка. Привет, сильные руки и ноги. Хорошего тебе дня, чудесный животик, который кормит меня».

– Ты так смотришь на меня, потому что я высокий? – спросил Алекс.

– Очень высокий, – уточнила я так, словно это все объясняет.

Это проще, чем сказать: «Я так скучала по тебе, чудесная улыбка. Так славно снова увидеть вас, сильные руки и ноги. Спасибо тебе, накачанный живот, за то, что кормишь человека, которого я так сильно люблю».

Алекс поймал мой взгляд, и уголки его губ растянулись в улыбке.

– Я тоже рад тебя видеть, Поппи.

Глава 8

Десять летних сезонов назад

Когда я год назад встретила с Алексом Нильсеном у общаги, держа в руках с полдюжины мешков из-под грязного белья, я бы и не подумала, что когда-нибудь мы вместе поедем в отпуск.

После той поездки домой дружить мы начали не сразу. Сначала мы время от времени обменивались СМС. Алекс, например, как-то прислал мне размытый снимок линфилдского кинокомплекса с подписью: «Не забудь провакцинироваться», а я ему – фотографию комплекта из десяти одинаковых рубашек, который я нашла в супермаркете, и подписала ее: «Нашла тебе подарок на день рождения». Через три недели мы вывели наши отношения на новый уровень и начали разговаривать по телефону, а иногда и выбирались куда-нибудь погулять. Я даже убедила Алекса сходить в печально знаменитый кинокомплекс и посмотреть кино – и весь сеанс он так старался ни к чему не прикасаться, что чуть ли не парил над креслом, не осмеливаясь опуститься на сиденье.

А вот когда кончилось лето, мы записались в одну группу по двум обязательным предметам – математике и физике – и большую часть вечеров начали проводить вместе. Обычно Алекс приходил в мою комнату в общаге, а иногда я шла к Алексу, и мы до ночи корпели над домашним заданием. Моя бывшая соседка, Бонни, официально выселилась из общежития и переехала к своей сестре, и теперь я жила с Изабеллой, студенткой медицинского факультета. Иногда она заглядывала нам с Алексом через плечо и, сочно похрустывая сельдереем, указывала на наши ошибки.

Алекс ненавидел математику не меньше меня, а вот занятия по английскому языку и литературе просто обожал. Каждый вечер он брал в руки очередную книгу, а пока он читал, я садилась на пол рядом и бесцельно пролистывала блоги о путешествиях или читала какую-нибудь очередную статью о личной жизни знаменитостей. Мои же лекции оказались невыносимо скучными, и с куда большим удовольствием я проводила время с Алексом. Я никогда не чувствовала себя счастливее, чем когда мы возвращались с ужина, идя по темным улочкам кампуса с чашкой горячего шоколада в руках, или проводили все выходные в городе, поставив себе благородную цель отыскать лучший ларек с хот-догами в Чикаго. Или лучшую кофейню, или лучшую фалафельную – цели со временем менялись. Я обожала жить в большом городе – в окружении всего этого разнообразия выставок, музеев, непривычной еды, шума и новых людей. Пока у меня было все это, учеба в университете казалась вполне терпимой.

Как-то поздним вечером мы с Алексом лежали, растянувшись на полу в моей комнате, и готовились к экзаменам. За окном валил пушистый снег. Помню, чтобы как-то скрасить унылость происходящего, мы по очереди начали перечислять, где бы нам сейчас хотелось оказаться больше всего.

- Париж, – сказала я.
- В библиотеке, закончить работу по американской литературе, – сказал Алекс.
- Сеул, – продолжила я.
- В библиотеке, разобраться с введением к моей финальной части работы про нон-фикшен, – сообщил Алекс.
- София, Болгария, – сказала я.
- Канада.

Я подняла на него взгляд и зашлась в полузадушенном хохоте, который, конечно, вызвал у Алекса приступ его фирменного огорчения.

– Итак, твой личный рейтинг мест для отпуска составляют: два никак не связанных друг с другом эссе и страна, которая находится к нам ближе всего, – подвела итог я, перекатываясь на спину.

– Туда добраться куда дешевле, чем до Парижа, – серьезно ответил он.

– А это, безусловно, очень важное условие для мечты.

Алекс вздохнул:

– Слушай, ты ведь помнишь тот геотермальный источник, о котором ты недавно читала? Который в дождевом лесу? Это, вообще-то, Канада.

– Остров Ванкувер, – подтвердила я. Ну, если точнее, то речь шла о маленьком островке рядом.

– Вот туда бы я и отправился, – заявил он, – если бы мой товарищ по путешествиям был чуть менее сварливым.

– Алекс, – сказала я, – я с удовольствием поеду с тобой на остров Ванкувер. Особенно если единственная моя альтернатива – смотреть, как ты делаешь домашку. Отправимся туда этим же летом.

Алекс лег на спину рядом со мной.

– А как же Париж?

– Париж подождет, – отрезала я. – Да и вообще, на Париж у нас нет денег.

Алекс слабо улыбнулся.

– Поппи, у нас едва-едва хватает денег, чтобы купить в выходные по хот-догу.

Но потом мы весь семестр впахивали на дополнительных сменах в кампусе – Алекс подрабатывал в библиотеке, а я – в почтовом отделении, и скопили достаточно денег, чтобы купить билеты на самый дешевый ночной рейс. С двумя пересадками.

На борт самолета я тогда поднималась, чуть ли не дрожа от восхищения.

Потом мы взлетели, лампочки в салоне погасли, и на меня понемногу начала накатывать усталость. В конце концов я склонила голову на плечо Алекса и задремала, пуская слюни ему на рубашку, и спала я до тех пор, пока самолет не ухнул в воздушную яму. Потому что, как только это случилось, Алекс случайно заехал мне локтем в лицо.

– Черт! – выдохнул он. Я резко выпрямилась, держась за щеку. – Черт! – Он вцепился в подлокотники кресла так крепко, что костяшки пальцев побелели, и грудь у него тяжело вздымалась.

– Ты что, боишься летать? – спросила я.

– Нет! – шепотом ответил он. Старый добрый Алекс не хотел тревожить сон других пассажиров, даже находясь на грани панической атаки. – Я умирать боюсь.

– Ты не умрешь, – пообещала я. Двигатели снова зазвучали мерно и ровно, зато над нашими головами загорелся индикатор ремней безопасности. Алекс продолжал сжимать подлокотники кресла так, словно ожидал, что кто-то вот-вот схватит самолет, перевернет его вверх тормашками и попытается вытряхнуть нас наружу.

– Что-то мне это не нравится, – сказал он. – Был такой звук... Словно в самолете что-то сломалось.

– Это был звук, с которым твой локоть влетел мне в лицо.

– Что? – Алекс обернулся, и выражение его представляло собой причудливую смесь изумления и смущения.

– Ты меня в лицо ударил! – объяснила я.

– Ох, черт. Прости. Я посмотрю?

Я перестала держаться за пульсирующую болью щеку, и Алекс склонился надо мной. Его пальцы зависли над моей скулой, и через несколько мгновений Алекс одернул руку, так ни разу и не коснувшись моей кожи. – Выглядит нормально. Наверное, стоит попросить стюардессу принести тебе льда.

– Хорошая идея, – согласилась я. – Нам надо ее позвать. Скажем, что ты ударил меня в лицо, но это была полнейшая случайность, и вообще ты ни в чем не виноват, потому что ты просто испугался, и...

– О боже, Поппи, – проговорил он. – Я очень-очень извиняюсь.

– Да ничего. Мне даже и не больно почти. – Я пихнула его локтем. – Почему ты вообще не сказал, что боишься летать?

– Потому что я этого не знал.

– То есть?

Алекс откинул голову на подлокотник.

– Я в первый раз лечу на самолете.

– Ой. – Я почувствовала острый укол вины. – Лучше бы ты раньше об этом сказал.

– Я не хотел устраивать из этого драму.

– Не было бы никакой драмы!

Алекс перевел на меня скептический взгляд.

– А это сейчас что, по-твоему?

– Ладно, ладно. Хорошо, я устроила небольшую драму. Но вот послушай, – я втиснула свою ладонь под его и сжала пальцы. – Я здесь, с тобой. Если хочешь немного поспать, то я посторожу, чтобы самолет точно не разбился. Чего вообще не произойдет. Потому что летать вообще безопаснее, чем водить машину, например.

– Водить машину я тоже ненавижу, – сказал он.

– Я знаю. Я это к тому, что летать лучше, чем ехать на машине. Гораздо-гораздо лучше. И я с тобой, и я летала на самолетах раньше, так что, если случится что-то серьезное, я пойму. Обещаю, в таком случае я точно запаникую, и ты сразу узнаешь, что что-то пошло не так. А пока можешь не переживать.

Несколько мгновений он вглядывался в мое скрытое полумраком лицо, а затем его ладонь расслабилась, и его теплые жесткие пальцы наконец перестали нервно сжиматься.

Так я и сидела, держа его руку в своей, и сейчас это почему-то приводило меня в трепет. Девяносто пять процентов времени я воспринимаю Алекса Нильсена исключительно платонически и полагаю, он не воспринимает меня как сексуальный объект вообще. Но остается еще пять процентов... Пять процентов, которые говорят: «А что, если...»

Эта мысль никогда не задерживалась у меня надолго. Просто отвлеченная идея, рожденная в переплетении наших пальцев. Что, если я его поцелую? Каково это будет? Как ощущаются его прикосновения? Такой же Алекс на вкус, как и на запах? Никто лучше не заботится о гигиене рта, чем Алекс. Это, может, и не самая сексуальная вещь на свете, но это определенно лучше, чем если бы ситуация была противоположной, верно?

И на этом мои мысли зашли в тупик. Что вообще-то замечательно, потому что Алекс нравится мне слишком сильно, чтобы с ним встречаться. К тому же мы абсолютно несовместимы.

Самолет снова начал мелко трястись в воздушных потоках, и Алекс стиснул мою ладонь.

– Время паниковать? – уточнил он.

– Пока нет, – ответила я. – Попробуй поспать.

– Потому что встречаться со Смертью стоит отдохнувшим.

– Нет, тебе нужно отдохнуть, потому что, когда я выбьюсь из сил в ботаническом саду в Ванкувере, тебе придется нести меня весь остаток пути.

– Я знал, что ты не просто так позвала меня с собой.

– Я не позвала тебя в качестве верховой лошади! – возмутилась я. – Я позвала тебя для того, чтобы ты устроил саботаж, пока я буду бегать от стола к столу в обеденном зале гостиницы «Императрица» и воровать крошечные бутербродики и бесценные браслеты у ничего не подозревающих гостей.

Алекс мягко сжал мою руку:

– Полагаю, тогда мне правда лучше отдохнуть.

Я сжала его руку в ответ:

– Именно так.

– Разбуди меня, когда настанет время паниковать.

– Обязательно.

Он положил голову на мое плечо и притворился, что спит.

Я была уверена, что, когда мы приземлимся, у Алекса будет жутко болеть шея, а у меня занемет плечо от долгого сидения в неудобной позе, но сейчас я ничего против этого не имела. Впереди у меня пять великолепных дней путешествия с моим лучшим другом, и глубоко внутри я знала: ничего плохого с нами случиться не может.

Время паниковать еще не пришло.

Глава 9

Этим летом

– Ты уже арендовала машину? – спросил Алекс, когда мы вышли из аэропорта навстречу зимнему горячему ветру и жаре.

– Нечто вроде. – Я прикусила губу, выживая из сумки телефон – нужно было заказать такси. – Взяла напрокат напрямую через группу в соцсетях.

Глаза Алекса округлились. Его волосы трепали порывы ветра от взлетающих самолетов.

– Я ни единого слова не понял.

– Ты не помнишь? Мы уже так делали. В самую нашу первую поездку в Ванкувер. Мы тогда были слишком молоды, чтобы легально взять машину напрокат.

Он молча на меня уставился.

– Ну, помнишь, – не сдавалась я, – та онлайн-группа о путешествиях, в которой я уже лет пятнадцать состою? Там еще люди предлагают свои квартиры для съема в аренду? И можно взять у кого-нибудь напрокат машину? Вспомнил? В тот раз нам пришлось ехать на автобусе до загородной парковки, а потом еще восемь километров идти пешком с багажом наперевес.

– Я помню, – сказал он. – Просто до этого момента я ни разу не задумывался, зачем кому-нибудь может понадобиться сдавать свою машину напрокат полнейшему незнакомцу.

– Потому что многим людям в Нью-Йорке нравится уезжать куда-нибудь на зиму, а людям в Лос-Анджелесе – наоборот, уезжать куда-нибудь летом, – пожала плечами я. – Девушка, которая сдает эту машину, еще с месяц не вернется в город, так что я без проблем арендовала ее на неделю всего за семьдесят баксов. Нужно только поймать такси, чтобы добраться до места.

– Здорово, – только и сказал Алекс.

– Ага.

А вот и первое наше неловкое молчание. И не важно, что мы всю прошлую неделю без остановки переписывались – а может, это только усугубило ситуацию. В голове у меня было постыдно пусто, и все, что я могла делать, – это тупо пялиться в экран телефона, наблюдая за приближающейся иконкой автомобиля на карте.

– Вот и наше такси, – наконец сказала я, кивая в сторону только что подъехавшего минивэна.

– Здорово, – повторил Алекс.

Водитель помог нам занести багаж, и мы забрались в минивэн, очутившись в компании еще двоих людей, с которыми нам предстояло разделить эту поездку. Это была женатая парочка среднего возраста. То, что они женаты, я определила по тому, что на обоих были кепки, и на первой, ярко-розовой, большими буквами было написано: «ЖЕНУШКА», а на второй, ядовито-зеленой: «МУЖЕНЕК». На них были одинаковые футболки с фламинго, а кожа у них была настолько загорелой, что по цвету приближалась к оттенку ботинок Алекса. Муженек был брит налысо, а волосы Женушки были выкрашены в ярко-красный цвет.

– Приветтики! – радостно сказала Женушка, когда мы с Алексом заняли сиденья посередине.

– Здравствуйте. – Алекс обернулся и состроил почти что убедительную улыбку.

– У нас медовый месяц, – объявила Женушка, широким жестом указывая на Муженька. – А вы тут какими судьбами?

– О, – выдавил Алекс. – Хм.

– И у нас! – Я схватила его под локоть и ослепительно улыбнулась.

– О-о-о! – взвизгнула Женушка. – Ты слышал, Боб? У нас тут прямо любовное гнездышко!

Муженек Боб кивнул.

– Поздравляю, ребята.

– Как вы познакомились? – захотела непременно узнать Женушка.

Я бросила на Алекса взгляд. На его лице сейчас отражались две эмоции: 1) ужас; 2) живая заинтересованность. Раньше мы часто играли в эту игру, и хоть сейчас мне было очень неловко вот так вот обнимать его за руку, было в этом что-то привычно-успокаивающее. То, что мы все еще можем притвориться кем-то другим и просто развлекаться.

– Диснейленд, – объявил Алекс и развернулся всем корпусом, чтобы лучше видеть сидящую на заднем сиденье парочку.

Глаза Женушки восхищенно расширились.

– Просто волшебнo!

– Было и правда волшебнo! – Я бросила на Алекса влюбленный взгляд и легонько ткнула его в нос пальцем свободной руки. – Он тогда работал в РЧ. Рвоточерпатели, так мы их называем. Знаете эти новомодные аттракционы типа виртуальных американских горок? Так вот, именно РЧ потом убирают за старичками, которым не повезло страдать от морской болезни.

– А Поппи изображала Майка Вазовски, – сухо бросил Алекс, повышая ставку.

– Майка Вазовски? – не понял Муженек Боб.

– Это из «Корпорации монстров», – объяснила Женушка. – Он там один из главных монстров!

– Который? – уточнил Муженек.

– Который низенький, – сказал Алекс. Затем он снова повернулся ко мне с самым что ни на есть глупым выражением лица, полным тупого обожания. – Это была любовь с первого взгляда.

– О-о-о! – умильно пропищала Женушка, прижав руку к сердцу.

– Но ведь она была в костюме? – нахмурился Муженек. Под его оценивающим взглядом лицо Алекса медленно начало приобретать пунцовый цвет.

– Просто у меня обалденные ноги, – вмешалась я.

В конце концов нас высадили на месте. Мы очутились на улице Хайленд-парк, в окружении зарослей жасмина и украшенных лепниной домов. Стейси и Боб помахали нам на прощание, и минивэн уехал, оставив нас стоять в одиночестве на раскаленном асфальте.

Как только машина скрылась из виду, Алекс освободился от моей крепкой хватки, а я принялась оглядываться, всматриваясь в номера домов. Наконец я нашла нужный: обнесенный красным, пятнистым от времени забором.

– Вот этот наш, – сказала я, кивнув в его сторону.

Алекс открыл ворота, и мы вошли на внутренний двор. Там нас ждал белый хетчбэк квадратного вида: старый, ржавый и слегка побитый жизнью.

– Итак, – произнес Алекс, внимательно разглядывая наш новый автомобиль. – Семьдесят баксов.

– Видимо, я переплатила. – Я присела на корточки, нашаривая коробочку с ключами. – Сара, владелица машины и по совместительству скульптор, обещала оставить ее под передним колесом. – Знаешь, если бы я была угонщиком машин, первым делом я бы искала запасные ключи именно в этом месте.

– Даже просто наклониться за ключами – уже слишком большой труд для того, чтобы украсть эту машину, – заметил Алекс. Я наконец нашла ключи и выпрямилась, а Алекс обошел автомобиль кругом, остановился у капота и прочитал название модели: – «Форд Эспайр». Вдохновение, значит.

Я рассмеялась и открыла дверь.

– Между прочим, вдохновение – это фирменный бренд «О + П»!

– Погоди. – Алекс достал телефон и сделал шаг назад. – Дай-ка я тебя с этой штукой сфотографирую.

Я распахнула дверь пошире и выставила вперед ногу, принимая эффектную позу. Алес, конечно, тут же нагнулся, нацеливая на меня объектив.

– Алекс! Нет! Не снимай меня снизу!

– Извини. Я и забыл, какие у тебя странные вкусы.

– Это у меня-то странные вкусы? – воскликнула я. – Да ты фотографируешь как дедуля, который впервые взял в руки айпад. Тебе еще нужно надеть футболку с логотипом футбольной команды и очки, которые постоянно съезжают на кончик носа. Будешь вообще неотличим.

Алекс картинно поднял телефон так высоко, как только вообще мог.

– Это еще что за драматичная съемка в стиле нулевых? – спросила я. – Найди уже золотую середину!

Алекс закатил глаза и покачал головой, но все-таки сделал несколько снимков с приличного ракурса, а затем подошел поближе, чтобы продемонстрировать результат. Я потрясенно ахнула и схватила его за руку – примерно так же он, кажется, хватал сегодня восьмидесятилетнюю старушку в самолете, которой не посчастливилось лететь с ним рядом.

– Что? – спросил он.

– У тебя есть портретный режим.

– Есть, – не стал спорить Алекс.

– И ты его используешь, – продолжила я.

– Так.

– И ты знаешь, как использовать портретный режим, – в ужасе произнесла я.

– Ха-ха.

– Откуда ты знаешь, как использовать портретный режим? Это тебе твой внучок показал, когда ты заезжал домой на День благодарения?

– Ого, – невозмутимо сказал Алекс. – Именно по твоим издевательствам я и скучал.

– Извини, извини. Я просто впечатлена. Ты изменился, – и я поспешила уточнить: – Не в плохом смысле! Просто ты ведь тот человек, который ненавидит перемены.

– Может, теперь они мне нравятся.

Я скрестила руки на груди.

– Ты все еще каждый день встаешь в полшестого и идешь на тренировку?

Алекс пожал плечами.

– Это дисциплинированность, а не страх перемен.

– И ходишь в тот же спортивный зал?

– Ну да.

– Тот самый, который дорожает каждые полгода? И в котором постоянно играет один и тот же CD-диск с музыкой для медитации? Тот самый спортивный зал, на который ты мне жаловался два года назад?

– Я не жаловался, – возразил Алекс. – Я просто не понимаю, как эта музыка сочетается с упражнениями на беговой дорожке. Я размышлял. Делился мыслями.

– Ты с собой свой собственный плеер берешь – какая вообще разница, что у них там играет?

Алекс снова пожал плечами и забрал у меня ключи, чтобы открыть заднюю дверь вдохновляющего «Форда Эспайр».

– Это вопрос принципа. – Он закинул наши чемоданы внутрь и с грохотом захлопнул дверь.

Все это время я считала, что мы просто шутим. Теперь я уже была не так в этом уверена.

– Эй! – Я потянулась, чтобы поймать его за локоть, и Алекс остановился, вопросительно подняв брови.

Гордость не позволила мне произнести слова, рвущиеся наружу. Я знала: именно эта гордость разрушила нашу дружбу, и снова повторять я эту ошибку не собиралась. Я не буду молчать о том, что нужно сказать, только из-за того, что мне хочется, чтобы Алекс сказал это первым.

– Что? – спросил он.

Я сглотнула ком в горле.

– Я рада, что ты не сильно изменился.

Алекс смотрел на меня секунду – мне показалось, или он тоже только что тяжело сглотнул?

– Ты тоже, – сказал он и коснулся пряди волос, которая выбилась из хвоста и теперь свисала на лицо. Коснулся так осторожно, что я едва смогла ощутить это прикосновение, но я все равно почувствовала ползущую вниз по моей шее волну мурашек. – И мне нравится твоя стрижка.

Щеки у меня потеплели. Живот тоже. Кажется, даже ноги нагрелись.

– Ты научился, как пользоваться камерой на телефоне, а я подстриглась, – подытожила я. – Вселенная, трепещи перед нами.

– Радикальные перемены, – согласился Алекс.

– Прямо-таки перерождение.

– Вопрос вот в чем: начала ли ты лучше водить машину?

Я подняла бровь и скрестила на груди руки.

– А ты?

– Он вдохновлен и полон стремления заставить кондиционер работать, – сказал Алекс.

– Он вдохновлен и полон стремления перестать пахнуть, как задница, курящая косяк, – сказала я.

Мы играли в эту игру с тех пор, как съехали с шоссе и углубились в пустыню. В своем посте Скульптор Саша упомянула, что кондиционер в ее автомобиле включается и выключается, как ему заблагорассудится, но полностью утаила тот факт, что, по-видимому, использовала она этот кондиционер только в режиме печки. Пять лет подряд.

– Он вдохновлен и полон стремления прожить достаточно долго, чтобы воочию лицезреть конец людских страданий, – добавила я.

– Этот автомобиль, – заявил Алекс, – не доживет даже до окончательной гибели франшизы «Звездных войн».

– Но кто из нас вообще до этого доживет? – философски спросила я.

Алекс сел за руль, потому что от моего стиля вождения его укачивало. А еще я в качестве водителя повергала его в ужас. Честно говоря, водить мне все равно не нравилось, так что я все равно обычно уступала эту честь ему.

Автомобильное движение в Лос-Анджелесе оказалось непростым испытанием для такого осторожного человека, как Алекс: минут десять мы простояли перед знаком «Стоп», ожидая, когда можно будет свернуть на загруженную дорогу, и все это время стоявшие за нами водители безостановочно жали на клаксоны.

Теперь, впрочем, мы выехали из города, и дела пошли куда лучше. Даже проблемы с кондиционером не так сильно нас беспокоили: мы просто опустили окна, и теперь нас обдувал ветерок с приятным цветочным ароматом. Самой большой проблемой было отсутствие аудиовыхода, из-за которого нам приходилось полагаться исключительно на радио.

– По радио всегда так часто крутили Билли Джоэла? – спросил Алекс, когда мы в третий раз переключили канал только ради того, чтобы в очередной раз попасть на середину песни «Пианист».

– Полагаю, что с самого рассвета времен. Когда пещерный человек скототил первое радио, по нему уже крутили Билли Джоэла.

– Не знал, что ты так хороша в истории, – с мертвецки серьезным лицом произнес Алекс. – Тебе стоит прочитать лекцию перед моими учениками.

Я фыркнула:

– Алекс, тебе не удастся затащить меня в старшую школу Ист-Линфилда даже с помощью всех тракторов, которые только удастся найти в округе.

– Знаешь, – сказал он, – мне кажется, к этому времени все, кто травил тебя в школе, уже успели выпуститься.

– Но наверняка-то мы сказать не можем, – возразила я. Алекс оглянулся на меня – лицо серьезное, губы плотно сжаты.

– Хочешь, я им надеру задницу?

Я вздохнула.

– Да уже как-то поздно. У всех уже небось есть дети в таких смешных больших детских очках. Не удивлюсь, если большинство из них уже успели удариться в религию. Или создать какую-нибудь странную финансовую пирамиду, включающую в себя продажу блеска для губ.

Алекс не сводил с меня взгляда. Лицо у него покраснело от жаркого солнца.

– Если вдруг передумаешь, то только скажи.

Алекс, конечно, знает о моих трудных годах в Линфилде, но я стараюсь к этим воспоминаниям не возвращаться. Мне гораздо больше нравится та версия Поппи, какой я стала после общения с Алексом, а не та, которой я была в детстве. Потому что эта Поппи знает – мир не такой уж большой и страшный, потому что в этом мире есть Алекс, и в том, что действительно важно, мы с Алексом похожи.

Его опыт школьных лет в старшей школе Вест-Линфилда разительно отличался от моего. Скорее всего, не в последнюю очередь дело в том, что он 1) был невероятно красив; 2) занимался спортом – Алекс играл в двух баскетбольных командах, в школьной и в церковной. Алекс, впрочем, всегда настаивал, что его не трогали в школе, потому что он был достаточно тихим и неразговорчивым, и это помогло ему прослыть крайне таинственным парнем, хотя он был редкостным чудаком.

Может, если бы мои родители не поощряли в своих детях яростный индивидуализм, мне бы повезло больше. Некоторые дети справляются с неприязнью сверстников, адаптируясь к социуму, – так поступили Принс и Паркер, которым всегда неплохо удавалось найти точки пересечения с другими людьми.

А есть идиоты вроде меня, которые абсолютно беспочвенно убеждены: если я буду оставаться сама собой, другие детишки не просто с этим свыкнутся, но и преисполнятся глубочайшего уважения.

А на самом деле для некоторых людей нет ничего более отталкивающего, чем когда кому-то плевать на то, что о нем подумают окружающие. Может, в них говорит обида: я страдал, делал все, как принято, следовал правилам, так почему же тебе можно просто делать что хочешь? Как тебе может быть все равно?

Конечно, в глубине души мне было вовсе не все равно. Мне было очень даже не все равно. Наверное, было бы лучше, если бы я в первый же раз просто заревела в школьном коридоре, а не отмахивалась от оскорблений, чтобы потом плакать в подушку дома. Было бы лучше, если бы, когда меня высмеяли за расклешенный комбинезон, на который мама нашла украшенные вышивкой заплатки, я отказалась его носить, а не продолжала бы гордо выхаживать в нем день за днем, вздернув подбородок. Словно какая-то одиннадцатилетняя Жанна д'Арк, преисполненная решимости умереть за свои джинсы.

Это все к чему: Алекс прекрасно знал, как играть в социальные игры. Мне же часто казалось, что я прочла руководство о поведении в обществе задом наперед. И вероятно, при этом оно горело.

Когда мы были вместе, никаких социальных игр вообще не существовало. Весь остальной мир словно отступал перед моей уверенностью в том, что именно так и должно быть. Словно я никогда и не была той маленькой, одинокой и никем не понятой девочкой. Словно я всегда была именно этой Поппи: той, которую Алекс Нильсен понимал, любил и полностью принимал.

Я долго не хотела, чтобы он узнал о линфилдской Поппи. Мне казалось, что если в наш мир просочится что-то постороннее, что-то разрушительное, то все рухнет. До сих пор помню ту ночь, когда я ему наконец рассказала. Это был последний день нашего третьего курса. Мы тогда ушли с вечеринки и, спотыкаясь, поплелись в общагу Алекса, где обнаружили, что его сосед уже успел уехать на летние каникулы. Так что я одолжила у Алекса рубашку и одеяло и легла спать на пустующей кровати.

У меня лет с восьми, наверное, не было таких ночевок: знаете, когда вы говорите часами, пока не начинают слипаться глаза, и в конце концов ты вырубаетесь прямо посередине фразы.

Мы говорили обо всем: в том числе о том, что раньше не осмеливались упоминать. Алекс рассказал, как умерла его мама и как его отец месяцами не вылезал из пижамы, как Алекс делал сэндвичи для младших братьев и учился правильно замешивать детскую молочную смесь.

Мы дружили уже два года, и мне всегда было невероятно весело с Алексом. Но только в ту ночь я почувствовала, как в моем сердце словно открылась какая-то новая дверь, что я коснулась чего-то, чего никогда не касалась раньше.

Потом Алекс спросил меня, что случилось в Линфилде и почему я так боюсь возвращаться домой на лето. Я, наверное, должна была чувствовать себя глупо. После всего, что мне только что рассказал Алекс, мне должно было быть стыдно сотрясать воздух своими ничтожными обидами и горестями. Вот только с Алексом я никогда не чувствовала себя глупой или ничтожной.

Было очень поздно, и ночь близилась к рассвету. В такие часы рассказывать секреты почему-то проще всего.

Так что я рассказала ему все – начиная с седьмого класса.

И историю о чертовых брекетах, и о жвачке, которую Ким Лидлс прилепила мне в волосы, после чего меня подстригли под горшок. Про то, как Ким нанесла добивающий удар, перед всем классом объявив, что любой, кто заговорит со мной, не сможет прийти на ее день рождения. Который, кстати, был аж через пять месяцев, но для моих одноклассников ожидание того стоило: в конце концов, в доме ее родителей был бассейн с водной горкой и кинозал в подвале.

В девятом классе, когда у меня неожиданно выросла грудь, а печать позора стерлась из памяти окружающих, я целых три месяца пользовалась популярностью. Но потом Джейсон Стенли решил неожиданно меня поцеловать. Оскорбленный отсутствием моего интереса, он рассказал всей школе, что это я набросилась на него и отсосала ему в подсобке уборщика.

Вся футбольная команда школы еще с год звала меня Порно-Поппи. Никто не хотел со мной дружить. А потом случился десятый класс, и тут дела пошли хуже всего.

Началось все неплохо, потому что младший из моих старших братьев уже заканчивал школу и напоследок возжелал поделиться со мной своими друзьями из театрального кружка. Но длилось мое счастье недолго – примерно до того момента, как я устроила на свой день рождения ночевку, где быстро выяснилось: все считают, что мои родители – это полнейший позор. Я же, в свою очередь, осознала, что мои друзья не так уж сильно мне и нравятся.

Я рассказала Алексу, как горячо я люблю свою семью и как я чувствую постоянную потребность их защищать. Я рассказала и о том, что, несмотря на это, иногда я чувствую себя одинокой даже дома. У них всех есть кто-то, кто им дороже всего. Мама и папа. Паркер и Принс. Даже хаски у нас живут парами, а наш терьер проводит большую часть дня, свернув-

пись на солнышке вместе с кошкой. До того как я познакомилась с Алексом, мои родные были единственными людьми, с которыми я чувствовала связь. Но и тут я ощущала себя лишней. Как будто я была лишним винтиком в наборе мебели из Икеа, который положили в комплект только для того, чтобы заставить тебя нервно гадать: что же именно ты собрал неправильно?..

И все, чем я занималась с тех самых пор, как выпустилась из школы, – это пыталась сбежать от этого чувства. Пыталась перестать быть этим человеком.

И я ему все это рассказала, опустив только часть о том, что единственная настоящая связь, которую я ощущаю, – это связь с ним. Потому что, даже несмотря на то, что мы дружили уже два года, все равно это выглядело как-то чересчур навязчиво.

Когда я закончила говорить, то сначала подумала, что Алекс уже уснул, но потом он зашевелился, перевернулся на бок, разглядывая меня сквозь предрассветную тьму, и тихо сказал:

– Уверен, что стрижка под горшок очень тебе шла.

Вообще-то, совсем нет. Абсолютно не шла. Но этой фразы почему-то хватило, чтобы унять боль от всех этих воспоминаний. Алекс видел меня настоящую, и он любил меня.

– Поппи? – позвал меня Алекс, и я вернулась в реальность: то есть в жаркую вонючую машину и проплывающую за окнами пустыню. – Ты куда пропала?

Я высунула руку в открытое окно, хватая пальцами воздух.

– Мысленно ходила по коридорам старшей школы Ист-Линфилда, а толпа вокруг скандировала: «Порно-Поппи! Порно-Поппи!»

– Хорошо, – мягко сказал Алекс. – Я не собираюсь заставлять тебя приходить в школу, чтобы прочитать лекцию о древней истории радио и Билли Джоэле. Просто знай вот что... – Он перевел на меня серьезный взгляд и убийственно ровным голосом произнес: – Если бы кто-то из моих учеников назвал тебя Порно-Поппи, я бы его удушил на хрен.

– Это, – сказала я, – самая сексуальная вещь, которую мне когда-либо говорили.

Алекс рассмеялся, отводя взгляд.

– Я серьезно. Травля и издевательства – единственное, что я никогда не спускаю им с рук. – Он задумчиво потер висок. – Правда, в отношении других. Надо мной они издеваются постоянно.

Я рассмеялась. Алексу я, конечно, не поверила. В школе он учит одаренных детей, которые занимаются по углубленной программе; а еще Алекс молод, привлекателен, довольно умиротелен и чертовски умен. Конечно, дети должны быть от него без ума.

– Но зовут ли тебя Порно-Алексом? – любопытствовала я. Он поморщился.

– Господи, надеюсь, что нет.

– Прости, – исправилась я. – Мистер Порно.

– Ты что. Мистер Порно – это мой отец.

– Готова поспорить, на тебя запала целая куча школьников.

– Одна девочка как-то сказала мне, что я похож на Райана Гослинга...

– Боже ты мой.

– ...которого укусила пчела.

– Ой-ей.

– Именно, – согласился Алекс. – Болезненно, но в целом честно.

– А может, это Райан Гослинг был бы похож на тебя, если бы его выкинули в пустыню умирать от обезвоживания? Ты когда-нибудь думал об этом с такой точки зрения?

– Выкуси, Джессика Макинтош, – сказал он.

– Сучка, – присовокупила я, но тут же покачала головой. – Не-а. Нет. Что-то мне не нравится обзывать ребенка сучкой. Плохая шутка вышла.

Алекс снова поморщился.

– Ну, если хочешь знать, Джессика, скажем так... Не моя любимая ученица. Но думаю, со временем она все это перерастет.

– Может, на самом деле она вообще тайком выступает против традиции стрижек под горшок, откуда тебе знать. Мило с твоей стороны дать ей шанс.

– А ты вот никогда не была Джессикой, – вдруг с уверенностью сказал Алекс.

Я подняла бровь.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что, – его глаза были устремлены вдаль, на выгоревшую под солнцем дорогу, – ты всегда была Поппи.

Квартирный комплекс «Дезерт-Роуз» оказался высоким зданием, украшенным ярко-розовой лепниной. Его название было написано на вывеске крупным округлым шрифтом, смахивающим на средневековый курсив. «Дезерт-Роуз» окружал сад, полный низкорослых кактусов и массивных суккулентов, а сквозь белый забор проглядывал ярко-бирюзовый бассейн, испещренный точками загорелых тел и цветными пятнами шезлонгов. Росшие вокруг пальмы кидали на землю спасительную тень.

Алекс выключил двигатель.

– Выглядит неплохо, – с облегчением произнес он.

Я вышла из машины и ступила на горячий асфальт, обжигающий ступни даже сквозь подошвы сандалий.

Я думала, что прекрасно знакома с жарой. В конце концов, я столько времени провела в летнем Нью-Йорке, когда солнце повисает в небе, запертое в ловушке из небоскребов. В конце концов, в детстве я жила неподалеку от реки Огайо, где летом влажные испарения оседают у тебя на коже тонкой пленкой, а душный воздух с трудом проходит в легкие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.